

григорий комлев

сад[ॐ]

асебня

УДК 616.89-02-058

ББК 51.1л

asebeia.su

Григорий Комлев. сад[э]. — Асебия, 2026. — 140 стр.

Лев уверен: мир погиб. Ядерная война, руины, пустые дороги. Рядом — Инна, его любовь. Они едут сквозь то, что осталось от цивилизации, пока не натыкаются на странную общину — «Сад». Но это не убежище выживших, а психиатрическая клиника, в которой Лев живёт уже четыре года.

Вокруг него — пациенты, спорящие о праве на убийство; доктор, отдавший жену безумцам ради эксперимента; медсестра, ожидающая своего часа; и воин Марат, несущий священную войну в каждую дверь. А Инна — существует ли она? Или она лишь имя, рассыпавшееся на буквы в чужом теле?

Роман о безумии как последней свободе — и о любви, которой не нужна реальность.

В оформлении обложки использована фотография психиатрической клиники в городе Родез.

© copyright is dead

предисловие	4
а.бренер	

сад[з̣]

инна	1	9
“сад”	2	30
марат	3	81
брат	4	99
*нна	5	110
з̣	6	134

послесловие	136
м.рахманинова	

содержание

ЯЗЫКО(М)УЧЕНИЕ ГРИГОРИЯ КОМЛЕВА

александр
брeнeр

Подчинение власти начинается с языка.
И любое неподчинение тоже идёт от него.
Язык — первый принудитель к послушанию.
И одновременно он вопиет о непокорности самому себе.
Язык сладок и гадок, как плод с Древа познания.
Ребёнок ворочает во рту слова: вкусно или нет?
Взрослые слова отвратительны на вкус.
Ребёнок это чувствует и давится.
Ему нужны его собственные детские слова.
Диковинные, диковатые, дикорастущие.
Но взрослые насильно впихивают свои истасканные словеса в глотки малышей.
Некоторые дети их выплёвывают, но большинство проглатывает.
И потом они эти слова выкакивают.
На выплюнутых словах остаётся запах детской слюны.
На выкаканых — дух детского говна.
Такова проза Григория Комлева.
Он помнит о детском неприятии языка.
И о детском же языковом наслаждении.

Он дорожит этим воспоминанием.
Он по-детски мучается языковыми схватками.
И учится ворковать на оборванном, провороненном
и ворованном наречии языковых беспризорников.
И говорит про себя: «парень схватил речь».
И знает: «врачи придумали болезни, а полицейские изобрили преступников».
Ну а язык — кто его выдумал?
Разумеется, дети, а убили взрослые.
В том числе литераторы — языковые блюстители.
Мы живём в мире, где правит грамматический язык
с его падежами и логико-синтаксическими конструкциями иерархического характера, так что мысль бьётся
в тисках изнасилованной артикуляции.
И скудеет поэзия.
Григорий Комлев это чувствует и артачится.
Он распознаёт в себе шизофреника: кайфует от разрушения языка и страдает от его всеисия.
Кайфуя-страдая, он говорит: «в саду было утренне, ближе к полудню. вдалеке солнце, висевший метрах в трёх от земли и закреплённый на углу дома шар. нет. солнце. фонарь бросал свет на площадку, где разговаривали люди. был полдень. свет проходил через... влад опёрся рукой на постамент и взглянул на стоящий на нём вазон».
Этот вазон в саду, где люди мозолят языки, где солнце превращено в декоративный шар и где в полдень светит фонарь, — этот административный, демонстративный, нормативный и регулятивный вазон и есть испоганенный властью человеческий язык.
Его надо разбить, чтобы перестать быть шизофреником.
И стать наконец Идиотом: жить в языке, освобождённом

от взрослого суесловия ради детского славословия, срамословия и прекословия.

И петь в одичавшем, забаловавшем саду:

*уволокла любовь
я волком волком вою
мой новый кров мой новый кров
делить делить с тобою*

*посвящается 52-м ударам электрошока,
полученным антоненом арто
в психиатрической клинике в родезе*

1.
инна

этому миру не нужен ещё один роман!

кто решил?

он и решил, он встал, он стоял, повернулся, отошёл
от того места, где стоял, и подошёл к другому.

она не нужна этому миру.

за неё решили.

она тоже встала, повернулась, отошла в другую
сторону.

миру никто не нужен.

и им не нужен мир.

инна любила мир, но по-своему. по-тихому. в
закромах. прокрадно.

инна пела песни этому миру. тугие и жалкие. и её за
это любили. немного. лапята.

инна залезла на насыпь и запела.

одинночно и где-то со скрипом

ёжилась нота.

у горла.

*уволокла любовь
я волком волком вою
мой новый кров мой новый кров
делить делить с тобою*

он снова сдвинулся с места, где стоял, и подошёл к насы-
пи, на которой пела инна.

он протянул ей руку, и она слезла.

сыпался песок, крошка в туфли.

застрял где-то сзади.
и ускользал от пальцев.
песок или сор.
чуть,
вот так,
убрала упавший локон, пока клонилась к туфлям.
инна поправила локон. чирикнул по глазу, когда падал.
подняла голову.

инна?

он отронул её сквозня – её глаза разошлись на миг.
посмотрели в разные стороны, на долю секунды.
никто не заметил.

а?!

инна покачала головой.

*песни всё возникают в голове. без смысла, без
попадания. мимо. мимолётно. кротко и жалко.
убийственно. как маленькое и мёртвое.
как трепетное-еле-живое. зря мы тут. сказала.*

нелепая песня, только и ответил он.

инна смущённо отвела взгляд, собравшийся вровень.

инна?! отронул её.

а?!

она отвернулась от своего отворота. посмотрела
ему в глаза.
взгляд колкий. но непонятно у кого. у неё? у него?

где ключи от машины? он прямо спросил.

да вон там, вон там, не трогай меня!! инна удивительно забежилась.

где – вон там?!

вон там, вон там, я их не трогала, нет!!

он осмотрелся.
в парке было пусто. осень.
никого не было.
никто не гулял.
никто ничего не забыл.
и никто ничего не оставил.

в центре парка стояла беседка. у беседки была насыпь.
казалось, что её забыли. оставили от строительства
беседки.
но это не так.
насыпь была всегда.

инна, мало времени, пора ехать.

зря мы сюда приехали, скользнула инна и
угovorилась в рядошные кусты.
он протрогал карманы штанов, пиджака: нет ключей.
идти обратно к машине. у инны карманов нет.

она их стащила? ключи.
возможно.
запрятала где-то.

инна! он крикнул негромко и вскрибнул за ней.

звук машины, мотора, скрежета донёлся со стороны
границ парка – того, где дорога, север. на север.

это моя машина? подумал он. *или проехала мимо?*
с чего бы? откуда? тут нет машин. и не может
быть. только моя.

инна!! пойдём посмотрим машину.
ты слышала?

он проглядел сквозь весь парк: парк был не очень большим и не очень густым. к тому же там осень. не было
листвы.

он сужился прильско, но распям и шуршал.

к выходу.

к машине.

где там она была припаркована?

машины там не было.

*маленькая птичка
ясная луна
есть на небе звёздочка
скромная одна
это — яяя
это — яяя*

инна пела и давила газ.
крошки песка мешались в туфлях и лазились сквозь
щели пальцев. и терлись, сучились сзади.
у пятки.
дорога была разбитая. земляная.
вдоль – однорядная высадка высоких деревьев.
фальшивых насквозь. им было стыдно
самим за себя. деревьям.
инна ехала вперёд. и училась водить.
на ходу. она не умела. однажды. может ещё
однажды. каталась на коленях. и сама как-то раз.
давно.
тоже в деревне. по старой дороге. разбитой и
ужистой.
вязкой.
пустовной.
голодной.
хривой.
инна училась и становилась всё лучше.
водить было несложно. но сложно понять. куда ехать
дальше.
когда они остановились у парка, инна спала. она не

помнила последние часы пути.
спала.

домой! ревнуло у инны в голове,
и руки – крепче в руль; но дорога не стала яснее.

куда?

инна проехала ещё несколько километров и встала.
между деревьями была проласть.
инна прошла и встала.
перед ней было небо. и поле. далёкий горизонт. и
под ногами.
кротовые норы.
инна села на корточки.
ноги пропали под юбкой.
утёчная земля обняла туфли.

*у земли есть мыши
у меня есть слёзы
в облаках повыше
всё совсем замёрзло*

инна упала назад, вскинула вверх ноги. и ногами же
сбросила туфли,
что так опротивели ей.
она не встала назад. опустила ноги. лежала. в
земле. на краю поля. сзади дорога. впереди –
ничего. так. страна. гулкий вей. трусость и серая
карось. летучесть.
она сжала в руке ключи от машины.

вскочила и кинула их.
в поле.

в какую сторону она поехала? думал он.

но думал. но шёл. шёл уже в одну сторону. хотя и думал о другой. тоже. он шёл назад. назад, откуда они приехали. в ту сторону. неясно, почему. он подумал. что она захочет поехать обратно. но она не видела, откуда они приехали. проспала всю дорогу.

но разве он быстрее машины? и как ему угнаться за ней? по этой дороге. тут давно никто не ездил. никто не любил этот парк. он пропал.

забвлся.

учтолся.

он вспомнил его походя. когда они ехали по дороге. хорошей дороге. оставшейся ещё ничего. не такой плохой и брошенной, как эта.

он вспомнил, что был тут разок.

и как он вспомнил? маленький скрытый поворот на трассе. и всё. был однажды.

он завернул в этот поворот. и ехал вперёд. хотя знал, куда они едут. и что. опаздывают.

и там этот парк. в котором они были.

он шёл по дороге.

темнело.

бесπροглядно. неловко. холодно стало. так никто и не объявился. ни инны. ни машины, что проезжала бы мимо.

он встал. посреди дороги. легко. стало легко. не искать

её. инны больше нет. и никогда не было. и ехать дальше.
куда ехал. а там.
щели между деревьями проказывали нижние облака.
и те – статуи.
вульгарные, округлые. объёмные.
лазли из щелей деревьев. уже серые от скорости
тьмы
и ночной дыханности.
проклятые формы похабных идей.
он встрял. в окружении мягких дымчатых статуй.
телесных коллапсов. соблазнов и тцет.
и щели давили,
смещаясь.

инна!! он крикнул впустую с оглошкой.

хотелось разврата.

*нна шла без туфель. грубыми ногами.
всё равно.
грубыми от времени. от хоженного и стоянного.
*нна шла. дальше куда-то по полю. к горизонту. в его
край.
*нна любила и ненавидела так всё это поле, что
хотела бы сжечь его со всеми кротами и
землеройками.
и пухом.
насекомыми, выемками и бороздками трещин.
*нна сожгла бы тут всё.
но любила и шла
медленно дальше. кушая край. ворота. платья.
немного кусая. покусывая слегка. два передних зуба.
у *нны. белые. и большие. на узком лице.
*нна погибала в траве. но в итоге сластилась и
прильнула. легла. повернулась на спину.
луна.

*свет моей ночи
улыбка без имени
где же мы были
где же были мы*

*нна съёжилась. может, от холода. может, иное
коснулось её.
назад.

*нна побрела по полю. в обратную сторону,
забыв и где туфли. и куда бросила ключи.
вышла на дорогу.
темно.
и не до фонарей.
тут нет фонарей. и вообще никогда не стояли в
умирье. в этом временном не стояли ни разу. тут
фонари.
машина стояла открытой.
свет от солнца отражался от луны и блекал на
машине, которая раньше была. ближе к красной. но
выцвела и вытравилась к сейчаснему.
*нна села в машину. и поймала отблеск. на своём
белке. уведя зрачок вглубь. за области видимого.
*нна закрылась в машине изнутри
и сужилась в кресле,
смотря через пальцы.
вокруг.
немного дремая.
усталость.

бум. бум.
стук в стекло.

инна! открой!

и как только. не одна она. вздрогнула от этого крика.

*инна! открой!!
открой!!!*

она встринулась. собрала глаза. они были
разбежные от сна.
даокольные.
но голос не врёт. хоть о самом себе. уже и недолго.
инна засуетилась руками. схватилась за ручку.
откручивая окно вниз.
сползло.
как только его рука дотянулась до ручки двери.
внутри. он и открыл. это был его голос.

инна!! зачем ты сбежала?! а что он мог спросить?

насилие? нет. оно тут пусто. за годы. за мрази. он и
не думал.
что ответит она?
ничего.
что ей сказать?

он закрылся внутри. в машине. с ней.
те худшие формы терзали его.
опять.
уже всё прошло. как будто веками. уже неуместно.
но тесно и грустно. пустынно и выглотанно в этом.

сколько ты шёл?

он вздохнул. строжилсЯ, но увидел её руки. худые
голые руки, изгибные. ломкие.
вдавились локтями в бока.
и все вдоль тела.
без просвета. духа.
упасть. упасть. на неё. на её. за вожжи. вжжж.. пух.

долго я шёл. он сказал.

*я так рада, что ты вернулся. ты не угадаешь,
что я видела.*

что?

*я видела. поле горело. всё поле сгорело и вспамилось
разом. не из точки. а из каждого места. взорвал-
ся там каждый кончик травинки и вспыхнул. и
сжѐг. всех муравьѐв и термитов. и разных зверей.
землероек. и ещё – я мечтала – кротов. видела
доползня. строкота. и всё в огне. выжигалось под
полем. и в трещины земли. ад людской и воздуш-
ный сочился всквозь трещины в землю. тѐк пла-
менем ад в неё сверху вниз, как огонь. посмо-
три – он на мне.*

инна так выставила глаза и разжалась. хоть в кресле машины. раскинулась грудной клеткой. порхая руками.

смотри. я горю.

он хотел плакать, но не совсем. не со всеми. когда-то потом. он поплачет потом. и без нас.

одёрнулся и пробежал по телу руками.

ключи.

по машине, сиденьям. в замке. его нет.

он пробежался по телу инны руками, но быстро и грубо.

ключи?!

я горю!!

инну тряснуло. ещё. и радужка глаз как будто иссохлась на миг или ещё. меньше мига. как вымерло всё, что цветное во взгляде. в радужке глаза. обоих. и вновь. всё на место. опало. она. умиралась. вздохнув. и заснула. но продолжала петь.

*где-то там за океаном
я любила моряка
оказался он туманом
но и я была не я*

инна держала голову вниз. и волосы. мокрые. может, от пота. слёжились струями несколько вниз.

по лицу и на шее.

и шевелила губами.
роняя глаза. выбеленные в огне.
и смотря на них теми, что вновь были при ней. глядя
вниз.

инна, скажи, где ключи? не могу их найти.

в траве, сказала инна сквозь сон и пение.

на него накатился туман. инна спала. машина стояла по
центру дороги.
там, где никто
и уже никогда.
быть может, не взвизгнет своими путями. и бог с ним. и
не найти уже никогда.
ключи. тем более сейчас.
в полной тьме.

он сидел за рулём. и никуда не ехал. не мог. он не мог взломать замок автомобиля, чтобы завести его без ключа. не мог – или не пробовал? не хотел? не знал?

как ехать? дальше? куда? уже некуда? ещё куда-то надо? иначе что? иначе конец? да? конец? конец нам всем? уже нам конец! уже все умерли! вы мёртвые! мы мёртвые! тут уже ничего нет! тут всё было. и рай. и ад. и всё сдохло. вконец всё сдохло. ехать? конечно! ещё и ещё! переться, продолжать упираться. в самый краешек. долбиться в эту жизнь до одури. уже всё. уже измождены! я больше не могу! у меня нет сил! на всё это нет сил! больше! посмотри на неё! у неё нет больше сил! ехать? ещё? ещё сотня-две километров? а потом? потом что? ещё поживём? увидим? и там полегче будет, да? задышитесь? задушиться!! у меня стёрлись руки об этот проклятый руль. я больше не могу! спи! спи! тут! в машине. спи. и снись. кому-нибудь снись. а я пойду. поползу. я быстрее один даже ползком. я трахну овраг. эту милую придорожную щель. и засыплюсь. с головой. чтоб забыть как дышать. и уже. жить. как вы все. бездыханным. воспряным.

открыть бы багажник. там есть. какие-то вещи. еда. багажник открылся.

он и не был закрыт.
он вытащил одеяло. закутал инну. пусть спит.
взглянул на еду. ещё одна жизнь.
взглянул на жизнь. и проституировался. подмигнул и
вспух как оледень.
найдишь.
он посмотрел сумки, отдельно – багажник. холодные
выделки.
и никуда не пошёл. а куда ему? она спит. пока инна
спит. и машина стоит.
он – никуда.
хоть время и трескает. ну и что? к чему его трёкот?
ещё живые – и противятся.
ещё живые.
любимые.

выдался рассвет. хриплый.
рассвет вяло полз, и красные высушенные глаза его
смотрели в глаза напротив.
он так и не заснул.
хотя думал. пытался. смотрел
вперёд и не моргал.
смотрел сквозь лобовое стекло сидя. и инна спала
рядом. на соседнем сидении.
всё стало светло и видимо.

смотри! он сам себе больше, но ткнул инну,
смотри!

пожарные! закричала инна и проснулась.

нет. сказал он. *но там кто-то едет. или идёт?*

воды! попросила инна.

он протянул ей воды.
засунул руку под заднее сидение и вытащил оттуда прут.
железный прут.
он вышел.

сиди. закрыл за собой дверь машины.

встал.

что-то там близилося вдали. но дурашилось и
сползало в сторону.
не спешило к нему.
и вообще
не спешило явиться, решая, быть может,
да ну его, и отсюда, сокрыться, съехать, узлать и
протратиться.
но что-то близилося. и сжимался возбуждённо кулак.
в кулаке прут.
стало поближе.
и ближе.
инна открыла окно. спустила его ручкой. и вылезла
песней. в свет.

*твои глаза забыли меня
и руки твои остыли
теперь ты дитя
теперь ты дитя
дитя на моей могиле*

прут упал.
всё приближалось. там. что-то. уже различить.
к ним приближалась повозка. какая-то телега. её на
своих плечах волокли двое. сильные. крепкие.
и одинаковые. как черти. красавцы.
в повозке сидела женщина. она сидела на сумках.
полнящихся, как казалось. смотрела вперёд и
смеялась. но молча. лицом.

и как будто и духом.
смеялась. в тиши.
повозка остановилась рядом с машиной. все

осмотрелись и высмотрели друг друга.
внюхались.

доброе утро, сказала женщина в повозке.

до-б-ро-е, дробно сказал я.

2. «сад»

вы это всё будете говорить якову яковлевичу, поберегите себя, не повторяйтесь, не говорите одно и то же из раза в раз. ну хватит уже, я вам сказала, я не так уж строга, я женщина!

мы сидели в повозке. я и инна. и эта женщина.
сестра гретта.

так она говорила.

говорила мне, чтобы я всё рассказал якову
яковлевичу, хотя я и не начинал ей ничего говорить.
двое парней. тащили повозку по дороге вперёд. и
вперёд. казалось, что у них бесконечно сил.

и от наших иссохших тел

и истлевших сознаний

им не холоднее, не жарче.

воистину,

были они велики. оброданы.

я потерялся.

я не верил.

не доверял.

*что случилось? куда нас несёт? нас подвезли?
подвозят? подводят? нас к чему-то подве-
дут?там будет что-то? зачем оно будет? за-
чем?*

она так сказала. мы вас подвезём. сестра гретта.
потом был сад.

нас встретил большой забор.
изгороди.
живая ветвистая стена.
огромная.
длинная, расходящаяся дальше взгляда во обе
стороны.
ворота были открыты. и не похоже,
что закрывались.
а от кого? разве только от нас?
этот мир пуст. в нем никого. только мы. а теперь и
мы тут. в воротах нет смысла.
мы въехали.
волька и ватка, парни красавцы. сбросили ручки с
плеч и распрямили спины.
смеясь и воркуя, мечтая пощекотать друг друга до
смеха. но не тут. не при всех.
сестра гретта встала с повозки.

отнесите их в дом. сказала она про сумки парням.

они поразнились, но трудились. и понесли.

вы – за мной. мы задержались. сейчас все в саду.

я взял инну за руку. не часто уже. она как будто
воспряла. её лицо было радостно и свежо.
беззаботно, прокругло, уроддало.
давно не видел её такой.
и ничего не боялась.
я опасался. не понимал. шли за греттой.
шли по пространству.
ухоженной территории старой усадьбы. подобного

духа. тропинки, дорожки. кусты и деревья. беседки. и
что-то ещё.

пруд.

и, наконец.

особенный сад. за главным зданием. центральным
домом. где было всё.

за домом был сад.

и там был дом.

мы приближались.

и к нам приближались слова.

голосов.

...любой сосалист в тупике своей мысли скажет, нам нужна революция человека! если люди в своём уме останутся такими как есть, то они не смогут жить при сосализме. и именно тогда сосализм станет тиранией. в итоге решать будут те, кто любит болтать. кто любит договариваться, передоговариваться и рисовать графики. если людям нужно перестать быть в уме, то им нужно стать без ума! они должны стать безумцами. шизофрениками. стать теми, кто является многими. группой. множеством. бог – шизофреник. он один, но один в трёх лицах. что это, как не шизофрения? что значит один? что это за лица?!

уже с края старых деревьев. изгорок. арок. заходя в сад, я увидел парня, который разжаренно грыкал. вот, всё, что выше.

в центре сада была площадка из плитки.

стояли старые деревья. давая тень.

давая тень.

кроме парня в саду было ещё несколько человек.

не всех я сразу. не сразу во всех. не сразу во всех я.

всмотрелся.

инна припала к дереву. старому толстому стволу.

с протресканной кроной. сухой и пламенеющей.

инна немного сползла и диагональ присела.

боком у дуба.

парню отвечала девушка.

но безумцы не смогут быть сознательными. мы должны стать сознательными, ответственными и высокоморальными, чтобы жить при социализме.

сестра гретта подошла ближе к говорящим. села рядом. отравилась. села в траву.

нет. безумец не значит, что он несознательный. безумец – это имя, которое дали ему его надзиратели. он не думает, как они, а не не думает вовсе. он без их ума, но не имеет он и свой. это умы, их минимум три. они должны найти свой общий язык. и из ума должна выйти умма.
отвечал грыклый.

но кто-то управляет ангелами. они не имеют воли! ангелы не имеют свободной воли, наличие которой и отличает от них человека. говорила девушка.

имеют! и что?! парень. твоя свободная воля – это зло. тот, кто видит ущемление своей свободы, чаще всего разочарован неудавшимся злодеянием. а поиск свободы в благом поступке исходит из гордыни.

кто-то.

ангелы и шизофреники.

парень.

есть два пути спасения этого мира. один путь лишает этот мир его этовости. такой мир возможен только там, где – новая земля и новое небо. другой путь. второй путь – это сумасшедший дом. весь мир должен стать психушкой, где все улицы и публичные пространства – это мир пациентов; и только за стенами домов в закрытых комнатах сидят те, кто всё ещё не смог победить свою гордыню и всё ещё хочет называть себя врачом.

кто-то. из присутствующих закричал.

да! врачи придумали болезни!

ещё кто-то.

а полицейские изобрели преступников!

голоса. голоса.

но человек уже был шизофреником, он был таким во времена многобожия. его революция – это вращение по кругу. от шизофреника к эгоисту – и опять к шизофренику.

бог придумал ангелов!

цитата малоизвестного бельгийского режиссёра густа ван ден берге: “любая концепция рая кажется мне фашистской”.

парень схватил речь.

только концепция!? человек не вернётся в рай. это не его путь. рай – это далёкое прошлое. и нет места прошлому в настоящем. рай на земле – концлагерь. а впереди – суд и новое небо. человек – это тот, кто всё время меняется. и его единственный шанс совершить революцию, истинную, в себе – это перестать меняться.

кто-то из тех, кто уже говорил.

хватит меняться!

кто-то.

каждый человек должен следовать своему призванию и предназначению. он не должен идти против своей природы. и одна из природ человека – государство.

парень.

государство – лишь форма, опадающая сухими лепестками. если человек не изменится, то не исчезнет и государство. есть не так много вариантов. либо меняется человек. и меняется в истинном и радикальном смысле. то есть перестаёт меняться. или человечество завершает историю. и отправляется на суд. за которым следует новая земля и новое небо. и перед судом уже нельзя меняться. нельзя воро-

тить сделанное и сказанное. нельзя переиграть уже вот тут. там, где судят тебя. можно лишь выложить последнюю ценность. покаяние. меняется ли шизофреник? наивно думать, что он свободен. бред шизофреника очень узок и ограничен. он всегда об одном и том же. он цикличен и замкнут. шизофреник не бредит о чём угодно.

говорит группа людей сразу.

но группа шизофреников бредит о чём угодно! нам нужен портной, и слесарь, и айти-специалист, и балерун, и мальчик для битья.

спрашивает одна из девочек.

почему не девочка?

нам нужна девочка для битья!

давайте я! закричала девочка.

юную марту посадили на стул и привязали верёвонькой к спинке.

мы станем животными, если будем заниматься насилием!

мы и так животные! сказал парень.

высшие животные!

нет, мы не выше и не ниже, мы все вместе!

к животным не применима этика.

они могут убивать!

они убивают!

и люди убивают!

люди не могут убивать?

почему?

почему?

почему?!

многие несчастные пацифисты, у которых есть только идеологии, бегут к религии, потому что только там, как догма, не требующая обоснования, висит запрет – “не убей!”.
теопацифисты пристёгиваются к божественной власти.

никого нельзя убивать! кричала марта!

но почему? влад встал и прошёлся по траве.

в саду было утренне, ближе к полудню. вдалеке солнце, висевший метрах в трёх от земли и закреплённый на углу дома шар. нет. солнце. фонарь бросал свет на пло-

щадку, где разговаривали люди. был полдень. свет проходил через...

влад опёрся рукой на постамент и взглянул на стоящий на нём вазон.

но почему? спросил он ещё раз, смотря на вазон.

марта посмотрела на него. верёвка начинала натирать её голые руки. на ней была рубашка с очень короткими рукавами.

по сути без.

разве мы не можем убивать, защищая себя?

вот именно! ваш новый мир возможен только с новым человеком. и чтобы стать этим человеком, нужно умереть. и ты умрёшь, подставив себя под пули, отказываясь защищаться. ты умрёшь, и тогда, после смерти, начнётся суд. а потом – твой ангельский сосализм.

конечно, можно и нужно защищать себя и близких. сказал кто-то, впустив пустое.

бежит человек. он бежит по площади. от стен центрального дома и останавливается возле дерева. дальнего. подалее. которое от нас. всех. людей в саду.

человек не проходит дальше. кричит!

на нас напали! напали! помогите! вы должны защитить меня! когда они схватят меня! они

убьют меня! а потом! вас!

люди в саду. в своих позах.

марта сидела, привязанная к стулу.

влад стоял у вазона.

ян стоял рядом с мартой, и было слышно, как сжимаются кулаки у него в карманах.

с ними ещё была гретта. сестра гретта, которая привела двоих подобранных на дороге.

*нну, которая сидела под деревом, и льва, который стоял с ней рядом.

человек, который кричал, был доктор яков.

доктор яков каждый день выбегал и кричал. это было ближе к полудню. к закату. к яркому солнцу. пустышке.

на нас напали! кричал яков!

мы не всё! возмутился ян.

сестра гретта посмотрела на якова и закричала ему в ответ, моркнув.

сейчас, доктор яков! мы скоро придём! вы можете начинать без нас!

доктор яков пришёл в ужас, и в его крике, сквозь крик, запахло мольбой.

вы должны защитить меня!

сестра гретта посмотрела на марту. потом она посмотрела на льва и *нну и кивнула им так, всё хорошо как

будто, как будто всё как надо – вот так кивнула. остропы-
вились они. шатко.

так почему мы не можем убивать, марта? спро-
сила сестра гретта, вновь повернувшись к говорящим.

почему? влад так и смотрел на вазон.

*когда мы – группа, вред одному члену приносит
вред всем. убив одного, вы убиваете сами себя
как “эту” группу,* сказала марта.

группы могут пересобираться. сказала гретта.

*я думаю, что нельзя убивать, потому что если
убивать можно, то могут убить и тебя: нет бо-
лее надёжного способа спасти себя от убийства,
чем полный его запрет.* ян посмотрел на марту.

мы можем убить всех. влад медленно повернул го-
лову к группе.

никто не помнил, когда он моргал в последний раз.

они убьют меня! кричал доктор яков.

*доктор, вы кричите вашим убийцам. пожалуй-
ста, идите есть.* сказала сестра гретта и посмотрела
на якова.

продолжайте. предложила она остальным.

ян встал напротив марты и вытащил руки из карманов.

мы договаривались без кулаков. твёрдо сказала марта.

человек – это тот, кто меняется и передоговаривается.

я не хочу передоговариваться. сказала марта.

ян разжал кулаки, встряхнул ладонь и дал марте пощёчину, полёчину. сладкую, красную оплеуху. отвесил марте. ян отвесил.

влад опять отвернулся и продолжил смотреть на вазон.

пощёчина.

кажется, влад хотел что-то...

пощёчина.

...сказать, его губы немного разомкнулись, он немного повернул голову...

пощёчина.

...опять в сторону группы, но нерешительно вернул её в прежнее положение.

пощёчина.

хватит. сказала марта. *развяжите меня!*

сестра гретта подошла к марте и помогла яну её развязать.

яна немного трясло, и верёвка не слушалась его пальцев. спадала уныло. расхлябанная поудоль.

не дожидаясь, когда марта сможет идти, влад отлип от вазона и пошёл в сторону доктора якова. когда они поравнялись, он прошёл мимо него, как теньтик, разлапанный неморгашик.

сестра гретта подошла ко льву и *нне.

давайте подойдём к якову яковлевичу. сказала она.

лев помог *нне встать.

от *нны почти ничего не осталось. она была песком. крошкой. сором в туфлях. только сор. и почти ничего. несколько лямок. а *нна распалась почти. проклянуть!

идём! взбодрилась сестра гретта; и мы шли за ней. к доктору якову. пока он водил в страхе глазами по небу. в страхе по небу.

доктор яков взбодрился. его наваждение отступило.

яков яковлевич, это к вам. сказала сестра гретта, указав на нас, и отошла.

он как-то норкнуто посмотрел на нас, медленно повернулся и пошёл в сторону дома. мы шли за ним. шли очень близко, позади доктора якова, ступая след в след и подстраиваясь под его походку.

но инна не могла. она сыпкая. крошилась в следы. доктор яков болтал.

когда я сюда переехал, тут был ад. а нынче сад! тогда пациенты сидели по камерам. хоть и на некоторых личных беседах врачи обращались к искусству, тем не менее, такая терапия была факультативной, не всерьёз. фармацевтика показывала хорошее, а электросудорожная была новинкой, подающей надежды. когда многие клиники стали практиковать лоботомию, я получил должность здесь. мне были чужды идеи лоботомии и прочих аппаратов насилия, подавления и принуждения. я был уверен, что нам нужно проникнуть в мир пациента, а не гасить его внешние проявления, которые непонятны и кажутся симптомами болезни, только если мы не знаем мир его самого. спустя несколько лет в нашей клинике полностью перестали использо-

вать фиксацию пациентов, электросудорожную и лоботомию. остались только некоторые препараты, которые использовались в очень особых случаях. я стал директором клиники, и, чтобы как можно больше времени посвящать себя практике, то есть общению с пациентами и организации нового быта внутри общности, я поселился тут, куда перевёз жену и детей. говорил доктор яков неясно кому.

мои шаги. след в след. стали чем-то единым целым с шагами доктора якова, и вдруг. я нарочно резко дёрнул своё колено в сторону. синхронно с этим подкосилось колено доктора якова, и тот упал.

я быстро помог ему подняться.

доктор яков тяжело вздохнул; мы были уже совсем близко. родные.

доктор, расскажите, что было дальше? попросил я.

я жду вас после обеда.

после этих слов доктор яков быстро вошёл в дом. прошёл по коридору и, оказавшись возле входа в обеденный зал. упалый и мутный. остановился возле двери. дверь была открыта наполовину. он некоторое время изучал дверную ручку. достал из кармана платок и, платком взявшись за ручку, открыл до конца.

за столом сидели.
марта, ян, влад и гретта.
за маленьким соседним столиком сидели волька и ват-
ка, как за детским столом – смотрелись смешно
эти двое мужчин.
крепких. щекотных.

*где *нна?* адресуя всем, спросила сестра гретта.

тут! крикнул лев!

она сегодня не спустится – я уже отнес. ей. ото-
рвавшись от, сказал волька, прослушав льва.

ей плохо? уточнила марта.

*нна сидела у льва. как бы рядом. и пряталась в страш-
ном. как будто её просмотрели.

сегодня она не может ходить. так она сказала.

сказала бы новое.

ян. говорит сестра гретта. *если мы можем убивать*
и – с чем, видимо, согласна и марта – можем
убивать для защиты...

я не согласна! поправила гретту марта.

...понятно, хорошо, значит, если мы можем убивать, защищая себя и свою свободу, то мир станет войной. сплошной и бесконечной войной, где каждый сам за себя...

а бог против всех. добавил влад.

...да, если мы можем убивать, то не нарушаем ли мы этим право каждого на жизнь?

а откуда у каждого это право?

от рождения.

откуда? это естественное право? божественное? у каждого есть право жить в той мере, что он согласен, что никто не мешает ему жить, пока он не мешает жить остальным.

кто решает? кому что мешает?

каждый, каждый решает.

это война! вечная война! закричала марта!

но мы не убиваем друг друга. неожиданно очень вдумчиво произнёс доктор яков.

неубиваем. подметила гретта.

но вы говорите, что на нас должны напасть. марта бросила к доктору.

марта, я не настаиваю на том, чтобы вы защищали клинику при помощи насилия, когда на нас нападут, но в ваших силах сделать всё, что может остановить насилие.

доктор яков, ваши идеи ведут к насилию.

вы не правы, марта, моими силами это место было очищено от электросудорожной терапии и лоботомии, а вы спокойно занимаетесь вашим искусством – я в состоянии отличить насилие от необходимости постоять за себя.

каждый должен решать сам. сказал ян.

влад, который внимательно слушал разговор, прикусил губу и прокрутил в голове две мысли. можно убивать, защищая себя, и – убивать нельзя ни в коем случае. он замер. его руки неестественно неподвижно застыли со столовыми приборами в них.

средство – это и есть цель. если наша цель – мир, то само использование мирных средств и будет достижением цели.

мира больше нет. шипел лев.

марта, никто не сомневается в вашей гениальности! предложите конкретный план! гретта серьёзно посмотрела на марту, сказавшись в этих словах.

лев и инна случайно поели.
нехотя.
шуганно.
и чьё это? и что они теперь будут должны?
вопросик!
они отсиделись как мыши. с краю стола.
обглодали хлебные кости. из скромности.
сестра гретта напомнила льву. что доктор яков их ждёт.
у себя.
после обеда.
они поднялись. от инны веяло холодом. но крошки её,
крохотики губ. слюнок пузырьки. мелкие волны. слова.
пелись. сламенько. сламенько очень пелись. её.

*я хожу по грани
замирают лица
стой и ты метель
любовница*

вслед за греттой и доктором. пошли наверх.
по старой деревянной лестнице. скрипучей невозмож-
но.
пульсирующей. разрезинивающей скрежетанием дере-
ва. полости дома.
подошли к двери.

подождите тут. сказала гретта, указав на диван.

лев задремал от бессонной ночи в машине. инна гуляла по коридору.

Ключи. Ключи. иногда говорила она, без ясного умысла.

сестра гретта закрыла за собой дверь в кабинет доктора якова, выглянула обратно.

подождите ещё. сказала.

закрыла за собой дверь. опять.

*ключи ключи
мои ключицы
молчи молчи
не надо злиться
я не твоя синица*

пела инна, прыгая на ковре.

усидчивость спадала. у кабинета. они сидели уже долго.
лев и инна. инна устала прыгать.
лев проснулся.
уехать сейчас? убежать?
а куда бежать? это первые люди.
первые, кто залюдились на их пути.
за долгое время скитаний.
странные люди.
и гретта. сестра гретта мгновенно ударила в грудь. льву.
она явно была велика. и могущественна. такая. власть
над которой. услада. для всех.
инна сидела. устала ходить.
она исходила весь коридор. болтала ногами. и пела.
сокрыто. втихую.

*добрые мгновенья
долгие часы
оставь сомнения
оставь сомнения
и от-путь-ти...*

появилась гретта.

проходите. она пригласила льва в кабинет.

лев встал, и инна как будто дёрнулась за ним, но отстала.
слегка.

проходите.

лев будто шёл всё быстрее. чем ближе он подходил.
к кабинету.

а инна всё отставала.

и каждое время. время двоилось.

на время льва, которое убыстрялось, и время инны,
которое становилось всё медленнее.

*а *нна?!* спросил лев, исчезая в двери.

никто не ответил. уже. гретта закрыла за ним дверь.
снаружи осталась. там, где и инна когда-то пела.

*и от-пусь-ти!!
сомнений не податливы часы
как долог день как кратка наша жизнь
во зле любви... у дьявольской весны
я разобьюсь
я разобьюсь о собственную тень*

дверь закрылась за львом.
он был в кабинете.
наполненном книгами, пёстром, заваленным хламом. и
мудростью. мутностью. хворостом.
прошлым. грядущим. порочным.
чем-то побочным. и глупым.
несколько лиц висели на стенах. на постерах – лики ве-
лики.
кто это были. лев не мог знать.
доктор сидел за столом. рядом было свободно. везде.
сесть? думал лев. масть.
лев сел.
не на ближний стул. немного поодаль от доктора. мало
ли.

я слушаю вас. сказал яков яковлевич.

а инна? вспомнил вдруг я. *инна – почему её не пу-*
стили?

**нна в порядке.* ответил доктор.

как вы выжили? спросил я.

а вы? спросил доктор. *зачем вы угнали машину?*

я не знал.

угнали. вы опять угнали мою машину, лев.

*нет. ничто такое. мы ехали с инной. инна моя...
она моя...*

кто? уточнил доктор.

она моя. я закончил.

ваша? уточнил доктор.

*ничто такое. мы ехали с инной. уже многие ты-
сячи километров. всё рухнуло. мир пал. вы виде-
ли? вы хоть видели, как он ссобачился, стрема-
нулся? всё кончилось. всё. конец. эти уроды. они
выпустили свои ракеты. потом те – в ответ.
потом ещё эти. и всё. вы хоть тут слышали об
этом в своём...*

где? спросил доктор. *вы знаете, где мы?*

Я... я крепко сжался.

Я... я продолжал.

*я... я хотел жить. просто жить дальше хотел.
в этом. в том, что осталось после конца. вы-
живать. в целом. есть и свой кайф. мир ничей.
мира нет. но со мной была инна. инна – она...*

какая? спросил доктор.

*какая вам разница?! пустите её сюда, закричал я.
кто вы? кто вы такие? почему вы живы?*

лев. вы знаете, что вас зовут лев?

да.

*лев. вы давно живёте тут. с нами. вы пытались
уехать на моей машине. уже не первый раз. за
последний месяц. куда вы хотите? скажите, мы
съездим с вами, если вам нужна помощь. у нас
нет закрытых дверей. вы просто живёте здесь.
вы можете уйти. но вы угоняете мою машину.
вы думаете, что вы пленник. это не так. вы не
пленник. вы свободны.*

инна...? взболомутился лев.

*идите к себе. поспите. быть может, вам ста-
нет лучше. вы знаете. где ваша комната.*

*лев встал. вышел. осмотрелся. нигде. ничего. ничто-
шеньки.*

*куда-то побредил ногами. совсем. словно устал. со все-
ми. дошёл до какой-то двери. отопёр.*

было пусто. похоже. темно. из-за штор.

лев опустил.

прилёг на кровать.

там было трокотно.

и тараканно.

но тепло и знакомо.

уsul.
лев уснул.
как малыш.
как зверь.
и стая собак.

утро недоброе. хрусткое. он проспал завтрак.
гудело. в ушах.
что-то ёжилось. уховёртелось. смузилось в голове. ума.
он спустился вниз. полз как разбитый. краб. и было. ни-
кого за столом. из кухни слышалось. что-то с посудой. он
затаился в проёме. инна пропала.
она фантазм.
грязная грёза.
в этом и был их главный обман.
инна экзист?
ор ши нот экзист?
это только им так решать!
лев таял в проёме. входа на кухню. внутри были люди.
ян брезгливо брал грязную посуду из кучи, оставленной
с завтрака. небрежно обтирал её губкой. говорил тихо:
так, что его слова заглушались водой – но иногда марта
и гретта, стоящие поодаль, занятые уборкой, такие же
грязные. слышали отдельные слова его мыслей, вырван-
ные из контекста. лоскутки.

*я презираю тех, кто творит себе идола из соб-
ственного кишечника! любая диета, которая
бредит идеями чистки, глубоко ложными, раз-
растается в человеческом уме из-за бедности
его духа и из-за глубокой извращённости его
желания. тот, кто стремится есть только
определённую пищу, озабоченный вопросами её*

пользы и чистоты, не выходит из существования как пожиратель. такой пожиратель, в самом основании себя, лелеет одно омерзительное желание. он желает жрать собственное дерьмо. вся цель его обращения с пищей: чтобы она была здоровой, полезной, органической – всё это направлено на то, чтобы человек внутри себя смог произвести настолько прекрасный кал, чтобы сам человек, желающий объедаться им, испытывал максимальное наслаждение от запаха, вкуса и атмосферы пользы и экологичности. последователь здорового образа жизни – говноед и эгоист. это истинный анархо-индивидуалист, который мечтает уничтожить основание и подвиснуть в автопоззисе, производя сам для себя идеальное питание, собственное дерьмо, качество которого он может предъявить любому как собственную гордость. мне не нужно ваше поганое дерьмо, я могу жить сам по себе. может быть, у ангелов и нет гениталий, и – как было сказано о царствии небесном, что в нём не будет ни мужчины, ни женщины, ни элина, ни иудея – будьте как ангелы, да, пусть у ангелов нет гениталий, разве? разве у маленьких херувимов не встречаются сморщенные пенисы? а жопа? есть ли у ангелов жопа?!

ян выключил воду.

отказ от употребления в пищу продуктов животного происхождения – это этика, а не диета! резко сказала марта.

как будто это единственное, что она разобрала из его слов. может, так и было? может, из-за воды она не услышала многого, но почему она восприняла всё сказанное как относящееся к ней?

да?! марта, скажи, почему нам нельзя убивать?
спросил у марты ян, выключив воду. ещё раз.

ты путаешь возможность и необходимость, конечно можно убить, это можно просто фактически, физически, онтологически. можно убить, даже не стремясь это сделать специально. можно убивать, просто поддерживая спрос на убийство, покупая мясо или оплачивая идеологию. но в убийстве нет необходимости, всё что угодно можно решить – не убивая.

многое, что не является необходимым, совсем не обязательно запрещать. мы наслаждаемся, делая не необходимые вещи. поэзия. поэт не может не писать, а убийца не может не убить. сказала гретта, она подмела пол. выбросила пыль и шкурки от овощей с совка.

марта, ты не хочешь согласиться с тем, что убивать нельзя, потому что, разрешая убийство, ты даёшь право убить и себя. ты просто боишься прослыть индивидуалисткой? мотивация любого пацифиста – попытка защитить от смерти себя. это не философия, это трусость.

ты пророчишь войну всех против всех. вздохнула марта.

ян. сестра гретта улыбнулась. когда ты говоришь об индивидуализме, что ты имеешь в виду? где граница того неделимого, о котором ты говоришь?

без понятия! ян был взвинчен и вроде не специально разбился тарелкой. ты здесь только для того, чтобы следить за тем, как мы работаем. ты умная, да? ты думаешь, что понимаешь душу? ваше психо совсем забыло о душе, из которой оно возникло.

мы не лечим души. спокойно сказала гретта.

ты притворяешься, что мы тут равны, что больше не существует врачей и пациентов. что ты не медсестра. но ты знаешь то, что знает медсестра, ты делаешь то, что делает медсестра. а ещё. ещё ты надзирательница и аппарат власти.

я аппарат? спокойно спросила гретта.

ты просто кончаешь с этих графиков. ты обожаешь распределение и учёт. ты кайфуешь от того, чтобы оценивать то, как кто применил свои способности, и что в соответствии с этим должно воздастся ему по потребностям. ты кайфуешь от самих этих формулировок. ты больная.

да, видишь, ян, я врач, и я больна. всё так и есть. я не понимаю, с чем ты споришь?

ты посчитала, сколько тарелок я разбил? ты проверила всё, что я мыл, насколько оно омыто? да... ты не тыкаешь в пятна! ты записываешь их, вытирая сама. и себе ты плюсуешь за них и вычитаешь у меня. и лижешь эти пятна. грязные от моих рук. ты лижешь и сосёшь вилки. когда все спят. ты воруешь за мной. мою грязь. я должен получать и за то, что я сделал, и за то, что не сделал. я имею право творить, огибая что-то и оставляя несделанным. ты воруешь это. и превращаешь это в капитал. ты сосёшь меня!

марта, давай оставим яна в его индивидуализме. гретта убрала метлу и совок и, проведя рукой по плечу марты, вышла из кухни, кривой.

марта взглянула на яна и тоже повернулась к выходу.

марта! ты в курсе, что ангелы уже изобрели деньги?

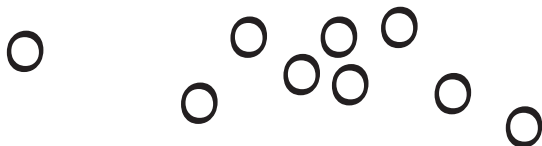
кесарю кесарево! ответила марта и вышла.

кесарю – кесарево сечение, золотое. из разрезанного живота извлекается золото. а тот, кому не кесарево, пусть пользуется жопой. из жопы выходит дерьмо. сказала гретта, проводив марту.

деньги – это дерьмо. пробормотал ян.

очевидно, ценнее дерьмо того, кто лучше питается. гретта улыбнулась.

дерьмо одинаково, оно различается только для врачей, чтобы обзывать кого-то больным, если у него плохое дерьмо! крикнул ян.

волька и ватка поднимались вместе по лестнице, чтобы проверить жанну.

им было тесно на старой усадебной лестнице, ведущей на третий этаж,

где и была. комната жанны.

халаты вольки и ватки были им немного малы, потому что они перепутали их, и халат вольки был мал ватке, а халат ватки был мал вольке.

пока они договаривались,

кто из них первый ступит на следующую ступень, они вели небольшой разговор.

поверх договора.

*как возможно безначалье? разве так бывает?
чтобы не было первого?*

это фантазия. или языковая игра?

но бывает ли так?

я первый.

нет, я!

*чтобы не было первого. мы можем только под-
красаться сзади. чтобы отбросить первое. сна-*

чала мы должны сделать переворот. революция. первое станет вторым.

это как?

сначала сегодня, и только после него – вчера, о котором сегодня помнят. витгенштейн говорил, что есть нечто мистическое. помнишь, нам нужны были деньги, чтобы рассчитаться за аренду квартиры?

да.

мы попросили помощи у святого антония.

почему у антония?

он помогает найти.

святой антоний, помоги вольке и ватке найти помощь, чтобы заплатить за аренду квартиры.

и что тогда?

мы сказали это, а потом, когда шли по улице, мы нашли деньги. прямо на асфальте.

да, так и было.

чудо не в том, что мы попросили антония, а в том, что после того, как мы нашли деньги, мы

вспомнили о том, что просили о помощи у антония. когда случается то, что пророчествует, – примета – чудо в том, чтобы вспомнить, что до этого ты обратил внимание на самую примету.

но мы сначала просили антония, а потом нашли деньги.

деньги там так и лежали бы, и мы так бы и прошли рядом с ними – всё неслучайно, я не о том, что всё случайно.

а как?

не антоний положил туда деньги. дело в том, что, после того как мы их нашли, мы произвели чудо, связав все события так, что до того, как нашли деньги, мы просили помощи у антония.

но ты ведь говоришь до – до того, как нашли деньги.

нет. это до – это первое, которое идёт после второго. оно изобретено после находки.

почему мы просим помощи у антония?

потому что мы находим вещи.

волька и ватка поднялись на третий этаж и подошли к

комнате жанны.
жанна была внутри.
она лежала с самого утра. как всегда.
улёжняя.
и не хотела вставать. не могла. никогда.
жанна хотела, чтобы её называли. они с самого утра ле-
жали в кровати. ноги. руки. половые губы.
веял ли дух,
или так же покорно лежал.
чьи-то мысли лежали. снаружи казалось, что это жанна.
и было только снаружи. что там было внутри? было ли
там внутри?
они для тела.
нет.
тело для них. но тут нет связи. нет связи. ничем они не
связаны с телом.
они двигаются. но они их не чувствуют.
они смотрят и двигаются, но их не замечают.
ноги лежат и не двигаются, а они и не хотят никуда идти.
если бы они хотели, то ноги всё равно не двигались бы,
потому что они не хотят сейчас идти.
когда они захотят, они, возможно, сами не будут хотеть
идти, и тогда ноги будут идти, а они будут не хотеть и не
идти, но они будут где-то рядом с ногами, то есть они бу-
дут видеть,
так,
как будто они над этими ногами,
но ничего не будут хотеть и не делать.
жанна лежат. жанна не будут сегодня вставать. кто се-
годня жанна?

жанна, это мы!

волька и ватка вошли в комнату и встали рядом с жанной.

не ела!

вообще не вставала!

жанна, будете есть?

жанна!? волька шатнулся в сторону лежащей жанны. ватка провёл рукой по её телу. оно не двигалось. совсем не двигалось. но было тёплым. волька провёл по внутренней стороне бедра.

жанна, вы совсем не едите.

ватка провёл по её губам. открыл пальцами рот. пошебуршал внутри. натянул губу. пальцем.

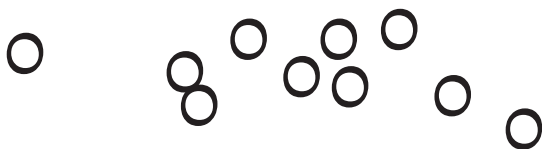
будете есть, жанна? спросил волька.

инъекция! схрюкнул ватка потешно.

поддержишь?

она же не двигается.

неважно. держи её крепче.

лев был в саду.
услышал крики.
он провел в саду сколько-то.
но никто не пришёл.
слышался крик.

инна!

крикнул в ответ лев.
он побежал.
побежал вверх по лестнице. на третий этаж.
к комнате. крик был сильнее.
он врезался в дверь.
было заперто. изнутри.
было заперто.
он бился.
плечами лупился как проклятый в дверь.
бился. и колотил.
а крик был сильнее. её крик за дверью.
там инна. он думал. он вспомнил. о ней.
она там. дверь поддалась.
лев проник внутрь.
инна парила над кроватью. во все стороны было разма-
шено тело. она билась в себе. билась о воздух. трещала
грачом. в крае кровати сидел ватка с тарелкой и ложкой.

жнна, вам надо поестъ. повторял он в ступоре.

волька был к *нне поближе. пытался схватить. будто.
схватить.

никогда! никогда! свобода – моя любовь! кричала
*нна и билась с закрытым ртом.

разбитой о камебрег рыбкой. стручком. обезбрежным
утёсом.
росой.

она не есть. выдохнул ватка.

НО... вдохнул волька.

лев подбежал к ней. и за руку дёрнул из комнаты вон.
навсегда.

бежим! инна! продолжал он и бежал с ней за руку по
лестнице! *инна, ты права! ты права! всё зря! всё
зря!*

я выбежал из дома и стукнулся о тело сестры гретты. ла-
сковое тело. запертое и скожанное.

лев. постойте. сказала она и положила мне руки на
плечи. *идёмте со мной.*

я было дёрнулся.

но не было инны.

не было инны.

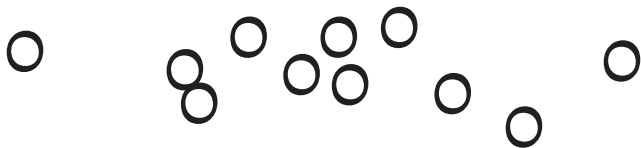
и не было истины в том, что я делал.

так почувствовал я в ту секунду.

и я не знал. куда мне бежать.
я пошёл.
за греттой.

нам в сад. сказала она.

в сад.

там уже были все. кто обычно.
марта и ян, влад. сестра гретта. какие-то дети.
лев.
волька и ватка где-то бродили.
возможно, и рядом.
*нна спала. но где и кто?

у нас два вопроса! озвучила гретта.

насилие! крикнул ян!

не в повестке! крикнула гретта!

первое – лев!

я с ним поговорю, смутилась марта и вырвалась из рук яна, который крутил её, щипал и рвал волосы мельком, по одному. вырывая до боли. копаясь в ней. капаясь в неё.

говори. поговори с ним. одобрила гретта.

марта взглянула на льва. тот тратился. взмокно.

второе! объявила гретта! *марат! едет марат!*

влад замер. упёрся в вазон и смотрел в замирание. доль-

ше и дольше.
ян крикнул!

!!!

марта вырвалась. пухом рванула ко льву. упала. ему на ладони. смеялась. шатнулась. и кожей. коснулась.

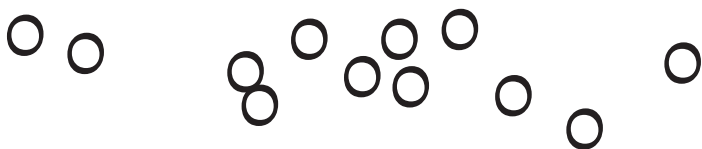
вставай. она протянула руку. *пойдём, лев, пойдём!*

лев встал. натригованный. и трехногий.
ушли.

едет марап. подытожила гретта.

на нас напали! на нас напали! слышался голос якова яковлевича.

он бежал в сад. был полдень.

влад и доктор яков встретились в кабинете после обеда. доктор ходил по определённой воображаемой карте, вырисовывая узлы на полу комнаты своими шагами. влад сел в кресло и замер.

доктор, я вас слушаю. последнее, что сказал влад.

у нас в клинике был один пациент, который проходил у меня анализ. он говорил очень бессвязно и никак не мог артикулировать своё желание. его слова рассыпались и пересобирались симптомами на теле. мы встречались около года, но никаких результатов не было. в одну из ночей я долго не спал, читал тексты, разные тексты, в основном французские. и тогда. мне попался один текст, туманный, тяжёлый. прочитав его и удивившись его идее. я уснул. ночью я проснулся и, особо не задумываясь, пошёл к палате того пациента. мне показалось, что нужно его проверить – какое-то чувство, наваждение. я подошёл к его двери: из небольшого узкого окошка мне было видно, как пациент стоит, прислонившись спиной к стене. он не спал. я вошёл.

доброй ночи.

здравствуйте, доктор.

тот пациент никогда не говорил так ясно. может, он и не сказал многого, но то, как он связал эти два слова, то, как осмысленно выглядел его взгляд в свете уличного фонаря за окном. оно говорило о разуме.

как вы себя чувствуете? спросил доктор яков.

я хочу вашу жену. ответил пациент.

я растерялся и вышел из палаты. вернулся в постель. либидинальная экономика должна заменить денежный обмен на добровольную циркуляцию энергии либидо. и что, как не энергию либидо, может вложить врач в пациента? я пролежал в кровати ещё полчаса. какая ясная мысль. капиталист должен расплачиваться со своими рабочими своей женой. а главнокомандующий армией – своей. я разбудил агату. она крепко спала рядом со мной.

пойдём.

куда? сквозь сон спросила агата.

эксперимент! радостно крикнул доктор.

я схватил жену за руку и потащил по коридорам клиники. где-то мы неловко поскользнулись на мокром полу: то ли это была моча кого-то из пациентов, то ли санитары мыли недавно пол.

я открыл дверь палаты и зашёл в неё. вталкивая агату. пациент лежал в кровати.

ты должна помочь ему. сказал доктор яков.

агата тяжело посмотрела на якова.

доктор немного подтолкнул жену к кровати.

пациент привстал, оперев голову на локоть.

агата нехотя подошла к кровати, встала на колени и, положив голову на край матраса, возле ноги пациента, задрала свою длинную ночную рубашку. доктор отошёл к стене.

пациент, кажется, плохо понимал, что происходит. доктору казалось, что в его глазах уже не было прошлой ясности, но доктор не мог быть уверен: на его глазах была иная пелена.

пациент резко встал, перепрыгнул через агату, развернулся к ней, он был без белья, и...

доктор яков остановился в своём рассказе. также он остановился в вычерчивании пола узлами. ему захотелось пить.

влад не подал знака, что заметил паузу в рассказе доктора. он думал о чём-то совсем противоположном, пока слушал слова доктора.

нет.

он слушал доктора, ему был интересен рассказ. но он думал о своём. о чём-то.

доктор выпил стакан воды и присел на край кушетки. у него дернулся уголок рта.

он продолжил.

когда я ходил по коридорам клиники, я слышал, как пациенты шептали мне вслед, различая меня по походке, ботинкам, они смотрели сквозь дверные щели из своих палат и ждали, когда я пройду.

доктор, я хочу вашу жену. шептали голоса пациентов.

я стал приводить агату ко многим. мне казалось это невероятным, но пациенты, высказывая своё желание и получая желаемое, становились полностью здоровыми, правда, на очень короткое время. у агаты появилось несколько детей. отцы которых – пациенты клиники. но кто такой отец? отец – это тот, в кого ткнули пальцем. агата не тыкала пальцем, она позволяла каждому делать для любого из детей всё, что тот или иной отец захочет. все дети – наследственные шизофреники. я оставил этот эксперимент через несколько лет. главным фактором остановки явилось то, что относительно долговременный перерыв, который вынужденно возникал на поздних сроках беременности агаты и на некоторое время после родов, полностью возвращал больному его симптомы. и, убедившись в этом окончательно, спустя несколько лет я оставил этот метод. я не жалею. не сожалею, что мы больше не используем его. мне кажется, сожалеет агата. она молчалива. она перестала ходить в сад и стала

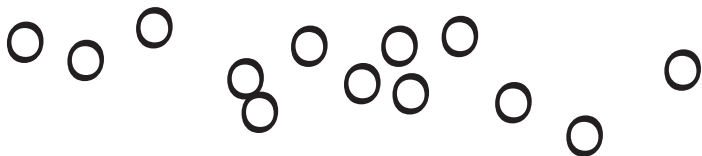
есть отдельно, подобно жанне. но бедной жанне уже не помочь. мы можем только постоянно помогать ей, оказывая ей ту скромную поддержку, которая в наших силах. а агата. я думаю, агата в порядке.

как вы думаете, она страдает? спросил влад.

кто, агата? уточнил доктор.

да. подтвердил влад.

нет. ответил доктор.

марта и лев виляли по саду. и шире. по всей территории места.

лев. говорила марта. *ты помнишь, кто ты?*

не помню.

а я?

ты марта. так говорят.

и я так говорю. я марта. лев?

я не помню.

*ты с нами давно. живёшь. тихуешь. не дышишь. иногда так бывает. как сейчас. ты бежишь. ищешь *нну.*

как? как ты сказала?

**нну. говорю, что всё время ты донимаешь *нну. *нна больна. она не встаёт.*

*кто такая *нна?*

**нна такая же как мы. просто ей тяжело. тяже-*

лее нас всех.

*она ходит! где она?! где *нна?*

кто? я не расслышала.

**нна!*

лев, прости, я не понимаю, что ты говоришь.

я хотел что-то сказать. что-то ещё сказать. но буквы раз-
дорили глотку. страдали по стенкам. кликли.

ннн. ннн. ннн.

голова закружилась. я вспомнил. о всё.

я вспомнил. про край. про конец. про конец этого мира.
который настал.

надо бежать.

надо бежать от этих людей.

я буду умнее.

я буду хитрее.

раз хитрого. так и они. хитрее меня.

может.

дурят.

мы уедем отсюда.

уедем.

инна!

уедем.

ты есть!

3. мәрат

я попал к нему после войны.
он вознежествовал меня. ласковый такой.
он сооружал свою клинику тогда.
только придумывал.
разрабатывал всякое.
проклятый доктор.
ну а кто, если не он.
он забрал меня из рук других психов, которые
хотели куда-то убрать меня.
после войны.
я был им не нужен.
я так хорошо воевал!
я отлично воевал!
меня не смутить. не сбить с толку
прелестью наживы.
я для победы.
я до победы.
ни-ни.
никакой попутной прелести.
это всё ваши глупости.
утащить у народа.
трахнуть.
что вы ещё придумаете?
это блаженство.
суетное и глухое.

нет.
нам сказали – империя. и мы пошли.
я пошёл. я нёс флаг впереди.
и всегда держал флаг так, чтобы он отделял
меня от порока.
от порока, который препятствует победе.
воин чист. только чистый воин идёт к победе.
между мной и пороком – флаг.
я дошёл до конца.
а как бы вы думали?
дошёл и поставил флаг.
на самую крышу.
на самую головоньку
сердца их подлой сущности.
но разве то – всё?
а дальше?
за этими следующие!
а за ними ещё!
сказали, империя.
значит, границ не имеет.
а это!?
нет. всё. хватит.
хватит, пожалуйста.
отдыхайте.
сказали мне. отдыхайте.
шуты!
мы в опасности!

всегда под угрозой конца.
они сказали, победа.
да бросьте.
куда там.
только начало.
а мне говорят.
всё, хватит.
и флаг. не отдали.
так и висит там.
оружие – отобрали.
падлы!
и вот этот флаг.
он последний остался.
что отгораживал меня от порока.
я увидел, что те,
кто были – мои.
они – те же похабные сволочи.
им того же и надо.
трахать и красть.
и всё, что мы делали.
было обманом.
и выгодой.
для.
я не смирился.
в мире нет мира.
мир лишь завеса.
ширма священной войны.

и ласковый домик порока.
без флага.
а как же?
как же без флага?
я тух.
затухал.
был готов разложиться.
мне нужен был флаг.
и твёрдое древко.
который на нём.
я выспался. крепко.
собрался со звёздами.
духами. ангела шёпот. мне нашептал всё как
надо.
и ровно. примерно. в котором часу. я влез на ма-
кушку. на главку. в ночи.
там был мой флаг. так и висел.
но они не заслуживают под ним находиться. под
ним возбухать.
это мой флаг. я бился за эту проклятую землю.
я бился, не чтобы тут грызлись сучары.
такие же точно, как те, что были убиты мои-
ми руками.
они тут сидели в этой же будке. несколько лет.
всего-то немного. назад.
я вылез на крышу. потом и на башню.
как раньше. как вспомнил.

как сразу.
тогда было красное небо.
сейчас только ночь.
я залез на башню и стал дёргать флаг.
мой. с моими же знаками.
те, что на древке я оставлял.
я дёрнул флаг.
и попал под луч света.
это с соседней башни. меня засекли.
я выдернул флаг и побежал.
обратно.
на крышу и дальше.
вниз. вниз.
внизу меня ждали.
я дрался.
будьте уверены, дрался.
флагом.
я бил им по черепам.
крошил им коробки
флагом.
крутил им вокруг,
отбиваясь от нескольких сразу.
но свистнула пуля.
свои же! в меня!
за всю войну. в меня не попало ни разу. и только
свои. свои в меня вставили. быструю.
я рухнул. и после. проклятый мрак.

ничего – и очень надолго.
как вас зовут?
марат!
я марат!
марат!
смог я сказать только, уже оказавшись в больни-
це. меня подлатали сначала от пули; как стало
понятно позднее.
в клинике доктора якова я оказался.
и то, спустя год или два.
я сказал.
смог сказать.
я марат!
потом появилась агата.
доктор привёл её ночью.
и поставил её.
как скотину.
а я.
я рыдал.
я кричал.
я вспомнил о флаге.
о том, что украли мой флаг.
и всю мою битву.
и всю мою бойню.
украли мою войну.
любимую.
бесконечную.

без флага я сдался.
я пал на агату.
как скот.
но возлюбил.
тогда, я последний влюбился в земное.
в агату.
последнюю деву земли.
я прозрел.
я почувствовал силу и смысл.
в каких-то идеях.
я спал с ней.
каждую ночь.
а доктор смотрел.
и что-то писал.
в синем блокноте.
чернилами.
доктор писал.
я любил.
теперь я пишу.
ко мне пришёл бог.
самозабвенный господь.
боженька пришёл и сказал.
ты был прав!
и битва твоя впереди.
на небесах.
бог дал мне знак.
а доктор отдал агату другому.

она так сказала.
мне рассказала. когда мы воочию терлись с ней
около ночи.
он отдал меня им. а я подчинилась.
сказала агата.
тебе же вот помогло.
я понял. блаженную бездну земного.
земная дыра бесконечна.
и ей только дай.
она в себя всех.
затянет.
и будет укладывать. рядышком. в братских мо-
гилах. поленьями в пластике. и обнимать. ей
не нужен один. ей помогать. каждой израненной
сущности!
нет. это не так. тебя я люблю.
маратик! люблю тебя, ласковый воин. но он мне
велит. доктор яков считает, что это помо-
жет. поможет больным, таким же, как ты.
я не был болен!
я не любил.
но теперь я люблю тебя.
но ты...
я не мог ей сказать.
я не знал. я был глуп.
но потом. мне явились все знаки.
я понял. что дело в другом. в том, что агатой

мне было послание.
божье знамение. что любить нужно многих. но
вовсе не так.
не так, как она. потому что она по-другому не
может.
или не знает!
но мара́т не для тех, кому нужно заткнуть себе
пару отверстий.
мара́т вам войной путь к свободе и счастью
проложит. единой излюбленной верой. и ваши
пороки он выбьет, как пух. война не закончилась.
враги захватили самое сердце. каждую речку и
каждый колодезь.
я тебя понял, господи.
я с тобой.
и словно по тексту. в больницу приехал. стро-
гий мужчина.
великий. красивый. поганных кровей.
он долго гулял. с доктором яковым. обедал вдво-
ём.
потом обратились ко мне.
мара́т, к нам приехал товарищ из ваших.
из наших? такие остались?
ко мне подошёл. человек.
ровный. и длинный. подлый конечно. но в меру.
мара́т? спросил он.
я мара́т. сказал я.

война. сказал он.
вы хотели войны? мы не хотели. но она продол-
жается. вы нам нужны.
доктор кивнул.
я кивнул.
я уехал.
с тем человеком.
вы дадите мне флаг?
спросил я человека, когда мы с ним были в ма-
шине.
лучше.
дадим вам отряд. целый взвод знаменосцев.
и вашей задачей. будет пронзить. насадить на
концы ваших флагов. туши проклятых детоу-
бийц. негодяев.
я знал, что он врёт. но не всё.
он врал лишь о том, что сам был красавцем. он
был таким же ублюдком. но он дал мне шанс. за-
ново встать шестерёнкой в войну. шестерёнкой
центральной. решительной.
эта война продолжается.
и она свята.
и если бог бесконечен, то и она. вечно прекрасна.
я встану впредь и убью каждую сволочь, кото-
рая мыслит погаными гнусностями и порока-
ми. они уничтожили подлинность. они сделали
театр. сраный вонючий театр, поганое кабаре.

гнутое мерзкое зрелище для слизистых гадов. это не рай! это не царство небесное. это не наша империя. это пруд гадов. воняющих протухшими органами в самих же себе. своими вонючими тухлыми органами мыслят они трогать моих благородных возлюбленных жён. мы будем святыми. станем святыми. лишимся всех мерзостей. всех слизистых дыр. и будем невинными – вечно невинными – жить в благодати. вот это империя! вот это я знаю. и чистые помыслы. и чистые замыслы. и чистые совести. гости. и нежность. в веках. и чтобы скорее. наше новое небо приблизилось к нам. я пошёл на войну. снова вернулся в неё. прямоком из дурдома, в котором, конечно, я был на войне. просто в плену. у внутренних гидр. врагов.

теперь я свободен. снова свободен. я был свободен. я воевал. я воевал. мы брали все рубежи. бежали вперёд напролом, а где надо – хитрили как соколы. ох молодцы. марат! марат! говорили мне братья и сёстры! марат, мы за тебя. веди нас. и мы воевали. и мы наполнялись. добровольцы к нам шли. и мужчины и женщины. прознав о нашей святейшей прозрачности. чистоте наших дел и умов. порок был изрублен и выжжен из сердца. в душе и на плоти у каждого нового нашего воина или воини было светло и безоблачно.

и мы не стирали различие! женщина – женщина.
мужчина – мужчина. мы были святы. невинны.
и вооружены.

мы разбивали тысячи мразей. убийц и предате-
лей. вражеских армий отряды, и взводы, и ле-
гионы. мы их убивали легко, как котёночек их
убивал. они ведь в пороке. они и слабы. в их арми-
ях не было женщин. они их томили в запертых
избах, чтоб грязно иметь. даже своих. своих
собственных женщин иметь. что за мерзость!
мы же. мы были равны и чистейшими были. нас
было больше. и силы у женщин побольше в бою,
чем у многих мужчин. это я говорю. я стоял с
ними.

плечом к плечу.

так у меня стало несколько жён. но уже не зем-
ных.

а жён неба.

боевых моих ближних подруг.

с ними мы были всесильны.

и кровь всё лилась, проливалась на землю.

и чем больше она принимала в себя.

та земля.

тем чаще я думал.

агата!

как же ты там?

как же ты там, агата?

моя последняя и земная.
тебе бы быть с нами!
тебе бы сиять божественным светом, что видно за каждым, за каждой, кто за правое дело.
но ты взаперти. тебя отдавали. растратили.
и, возможно, напрасно.
тебя обманули. и сами себя. они обманулись.
истратив тебя.
доктор яков, глупец и подлец.
его мысли. идеи. они прокляты богом.
они омерзительны – и уничтожены будут однажды.
иначе они уничтожат всю святость. погасят весь свет.
как погасли глаза твои. о агата. любимая.
богом.
агата была нам нужна.
я это знал.
нужно было назад. снова вернуться в больницу.
но с фронта.
казалось бы, просто, такому как мне.
ветерану. герою.
спасителю мира.
куда бы вы. без меня.
пусть вы и жалки, и мысли ваши глупы, командиры.
но наша дивизия станет огромной, так как

именно наша война – это долг перед богом.
мы стащим к себе весь фронт. и вы будете во-
евать за нас, а не мы – за вас, как вам кажется
сейчас.

вы поймёте. поверите. ведь аппетит.

фу.

во время войны. во время войны приходит и
смысл, и цель.

вовсе не до, как считают глупцы.

и те, кто познают смысл войны, во время войны.
будут обласканы милостью, благостью господя.
трусы же, беглецы и предатели будут убиты;
а если и нет, то души их будут раскалываться,
дальше дробиться, в пороках их гнить будет
тело, а разум – в болезни, а сердце – в расколе, а
дух будет спать и аборттировать душу. вживую
и без подготовки. дух аборттирует из них душу.
и этого им будет сполна. беглецам, предателям,
трусам.

но мне нужно назад.

агата. агата нужна нам, я знаю.

и клиника. мерзкая клиника. рассадник порока.
знали бы вы, мои генералы, генералы сердец, что
там! но вам всё равно. вам лишь бы грести. день-
ги грести. ладно. вы ещё всё будете знать. вы
поймёте. наплевать. пока пусть гребут, пока
понимают, что без войны никуда. хуже, если

бы просто крали. намного было бы хуже. а хуже.
хуже всего. это враньё. враньё про то, что по-
рочная жизнь лучше божественной смерти!
но меня не отпустят. а надо туда!

агата!

мне нужно к тебе. я тебя заберу. заберу тебя. а
их?

их я убью.

может быть.

а может, и нет.

я им расскажу. расскажу, что к чему. если они
дураки. всё ещё думают вылечить нас. честных
и чистых людей.

порок не здоровье. а борьба с пороком не сим-
птом. сволочи!

вам лишь бы просунуть свой грех. в каждое дуло.
грех – в дуло. в любую нору. и в веру. вы хотите
просунуть порок.

как бы не так.

я попросил у дианы. одной из небесных жён.

попросил её помощи, чтобы.

вернуться в больницу. вернуться и привести к
нам агату. я всё рассказал об агате диане.

я всё ещё говорю ей всё это. так как и вы – диана.
охотница. моя верная спутница. меткий стре-
лок.

диана. прошу. помощи.

я безумен. опять!
я снова безумен!
как будто тогда был безумен!?
конечно же нет!
но пусть так считают. мне же так нужно.
диана!
прошу!
помоги!
я безумен!
я снова безумен.
держи. держи.
я дал ей повязку.
диана взяла.
завяжи мне глаза.
что?
завяжи мне глаза.
зачем?
я буду стрелять.
такая судьба.
такая твоя судьба, диана.
ты завяжешь мне глаза, а я буду стрелять.
ты отбежишь, не так далеко.
отбежишь – и тогда я начну. я буду стрелять,
но не видя куда.
я буду слышать тебя. моя милая.
я буду стрелять.
я буду стрелять в тебя.

но зачем?

*зачем мне так делать, мара́т? спросила диана.
так надо.*

*ответил мара́т.
всё для победы!*

4.
брат

утром этого года мне позвонили из клиники “сад”. сказали, что брат мой опять пытался сбежать, что он угнал машину главного врача. не в первый раз. что его состояние всё ещё нестабильно. прошло четыре года с тех пор, как он туда попал. мне сказали, что видения не покидают его. он всё время возвращается к инне. несчастная инна. несчастный он, мой брат. говорят, он видит инну в одной из пациенток. я хочу поехать к нему. навестить его. хочу провести время с братом. в каком бы состоянии он ни был. а кто ещё остался? у нас – только мы. мы семья. такая вот семья. маленькая и вымирающая. потерявшая нити. наверное, я не буду откладывать эту поездку. кто знает, что будет потом? никто не знает. но вести плохие. война идёт. всё же идёт война. может, и меня заберут. и я попаду туда. и погибну в окопах. или ещё как-то погибну. скорее всего, даже без чести. а если не заберут, значит, война дойдёт сама. и опять же, тогда я умру. меня погребёт под обломками здания. или я попаду в плен. в рабство. меня истребят. а если не так. то, может, и сам. я проиграю себе. в этой вечной войне. которая внутри меня – и не только вовне же она. без внешней войны я в нежности умру сам от себя. может, и скоро. но прежде я хочу встретиться с братом. и даже если он не узнает меня. ну ничего. я и сам себя не узнаю. каждое утро. и каждый день. поеду. чего ещё ждать. терять это время. так хорошо. продолжая терять.

я взял билет на поезд этим же вечером. к утру буду. сел в поезд. прошёл множество досмотров. занял своё место. хоть где-то. за место надо платить. оно временно. хоть где-то дают мне место, пусть и за деньги. деньги есть место. иначе я ветер. но ветер пустой. ветер, из которого не сделать энергии. ветер, который никак не сберечь. деньги хоть есть. какие-то деньги. ими плачу и за брата. за его место в клинике “сад”. уже четыре года он там. мой брат, лев. а что с ним? так и не ясно.

я сижу на боковушке. снизу. за столиком. поезд едет в ночь. за окнами родина. которая без границ. в вагоне сопят, кряхтят, говорят. пьют чай. где-то – не только. полвагона солдат. едут из отпуска или с фронта. не понимал. не говорил. я отвернулся и взглядом выпал в окно. думал о брате. об инне. в наушниках слушаю что-то. из новостей. пропала сеть. смотрю молча в окно. думаю о брате. об инне. в вагоне пьют чай. едут солдаты. женщина переодевается, спрятавшись за простыню. ехать ещё целую ночь. времени нет. нет сил. нет представления – а что же потом? я увижу брата. а после? нужен ли я после? или я возник просто так. чтобы проведать льва? господи иисусе христе сыне божий помилуй мя грешного. тоже что ли за чаем? сходил. налил кипятка. заплатил за пакетик. пью. солдаты шуршат на своих полках. кто их просил? сижу на боковушке. снизу за столиком. моё любимое. было когда-то. уже не так. уже обычно. просто по памяти. думаю, а сойду ли с ума и я? понятно, что нет. понятно, что все различны. понятно, что да, что я уже болен. но я могу зарабатывать деньги. и поэтому здоров. для этого мира. лев. лев больше не может зарабатывать деньги. поэтому он болен. и я плачу за него. и плачу вместе с ним. здоровые платят за больных, пока больные спасают мир. но нужно ли его спасать. хочется сказать. хватит спасать мир! хватит. никого не нужно спасать. это хочется сказать льву. потому что лев спасает инну. бедная инна. её не спасти. и я плачу за это. уже четыре года я плачу за это. за то, что уже не спасти. но ведь

можно спасти льва? нет. нельзя. его не от чего спасать. он не болен. с ним все в порядке. я отлично понимаю его. поэтому буду платить. пока я здоров. больные – те, кто сделали это с инной. но её уже не спасти. как и их. есть как будто соблазн просидеть так всю ночь. но я немолод. мне не хватит сил. раньше хватало. теперь уже нет. надо спать. я постелил. лег. немного не помещался. лежал. думал, что сложно заснуть. заснул.

почему-то думал, что проснусь от какой-то солдатской возни. будто кто-то из них потеряет рассудок. начнёт стрелять или махать гранатой. представлял, что проснусь, а по вагону будут ходить милиция, военные, может быть, скорая. и они будут крутить руки этому солдату, который лишился рассудка за ночь в дороге. не знаю, почему я так думал. это даже не сон. просто казалось, что так может быть этим утром. но было не так. проснулся. не стал суетиться в туалет. слишком длинная очередь. проще терпеть, чем ущербно щемиться с толпой. им уже не помочь. да, пусть эти рыхлые и отёчные будут стараться пригладиться. пусть выдавят всё из себя, что настаивалось ночь. и что с того. лучше они не станут. как впрочем – и хуже. я не пошёл в эту очередь. потерплю. отёчный и рыхлый. как обычно, поезд медленно крался к концу. торопыги уже давились у выхода. и жали друг друга сумками. хотели курить. я не хотел. поезд остановился. с концами. проводник открыл дверь. все вываливались прочь и сухо благодарили его. я вышел последним. хотя нет, зачем так сказал? было бы мощно. выйти последним. да нет. просто вышел в конце, один из последних. за мной были тоже такие. кто не спешил выходить. вышел с вокзала. вызвал такси. “уже вызвал, жду”, – говорил я таксистам, которые хотели поймать меня у вокзала. “а вам куда? а за сколько вызвали?”, – спрашивали меня таксисты, бедняги, отставшие от времени. я говорю, что мне до клиники “сад”, а в приложении просят сушью мелочь, не то что они. они хватаются

за головы и плачут, и сетуют на время, на общество, технологии, капитализм, и мнут в пальцах бычки от своих сигарет. приехал таксист. я сел в машину. “едем в сад?”, – сказал он, зная куда едем. “да, в сад”, – ответил я. “плохая дорога”, – сказал таксист. “почему?”, – спросил я. и почему-то подумал, что он суеверный. что дорога “плохая”, в смысле, что не к добру это – ехать в психушку. но нет. “плохая дорога, много ям, не чинят, маршрут непопулярный”, – ответил таксист. “уже не то время”, – продолжал он. он был старый. намного старше, чем я. “лет десять назад ещё, ездили толпами в этот “сад”, говорили все, что там будущее, что там революция, что там совершается революция мысли, революция душ; а нет, ничего, всё как обычно, всё стухло”. “расскажите ещё”, – попросил я. “да я не эксперт, просто так говорили”, – сказал таксист. “молодые грузились пачками: всякие студенты, профессора, творческая интеллигенция. они все грузились ко мне в такси и катались в этот “сад”, как домой. а вроде больница. психушка. что их туда влекло? то была усадьба, заброшенная, её передали каким-то энтузиастам; там был молодой такой доктор. яков. я возил его раньше, нередко. сейчас перестал. то ли мне не звонит. то ли не выезжает оттуда. доктор яков пытался там сделать что-то. “революционное”, как он сам говорил. но я-то не врач, я не знаю. но, видимо, не вышло. наплыв спал. и что-то не вижу я много здоровых. психи – как были, так и есть. и если бы яков придумал, как их лечить, то мы бы об этом узнали. а так зашумело на несколько лет. и всё. ничего он не знает, этот доктор. такой же, как все они. он. шарлатан. молились бы богу”, – закончил таксист. сплюнул. спросил: “а вы туда как? навестить? или сдаётесь?”. “к брату”, – ответил я. “болеет?”, – спросил таксист.

“болеет”, – ответил я. “мои соболезнования. можно я буду курить?”. “курите”. таксист открыл окно машины. закурил. потом мы молчали, и только иногда он матерился на ямах. дорога и вправду была плоха. и чем ближе к “саду”, тем хуже.

я вышел из машины возле ворот клиники. это была старинная усадьба, с садом, с большой территорией, несколькими зданиями. я был тут дважды до этого. впервые, как раз тогда, в те времена, про которые говорил таксист. во времена её цветения. во времена надежд. я был студентом. изучал философию, психиатрию, психоанализ, политическую теорию и прочие гуманитарные вещи. тогда все резко стали говорить про “сад”. “стационар антипсихиатрической диагностики имени доктора омова”. новую клинику с революционными методами, директором которой стал психиатр и философ яков яковлевич омов. омов был яркой фигурой, человеком своего времени. он был левым, он был анархистом, он изучал психоанализ и французскую мысль, он был активист, теоретик, практик, великая личность. этот “сад” стал центром для всех, кто хотел иного в политике и психиатрии. всё, что мы читали в книгах, там работало или пыталось работать. я приезжал туда в самом начале истории клиники и собственной мысли. был там неделю. общался, смотрел, изучал, творил. был впечатлён, озадачен и вдохновлён. потом я не ездил несколько лет, занимался своими вещами, но помнил и знал, уважал. говорили, и правда, немало и много хорошего. смотрите! работает! смотрите! без тока и без таблеток. без иерархии, власти и насилия. всё – горизонталь. равенство и свобода. ну да. время шло. говорить стали меньше. и мир изменился. вы знаете сами. всё изменилось. лавина разочарования обрушилась на всю эту мысль. и кажется,

даже и практика испытала крушение. то ли фуко, то ли делёз говорил, что не общество нужно адаптировать под безумца, а наоборот – и да, “сад” был таким обществом. но мир изменился. или нет? но мир изменился! и безумцы стали кругом. и главное. они захватили власть. и что? теперь, когда общество адаптировалось под безумцев, сидящих в своих автократиях и парламентах, нам стало лучше? нет! мы провалились в ад. мы всё неправильно поняли. или нет? я, честно сказать, не знаю. я сомневаюсь. во всём. а потом, лев. мой брат лев. и эта история с инной. и войной. и... не хочу вспоминать это подробнее, простите. потом лев заболел. и я, я, который кричал, что все мы безумцы, посмотрел на своего брата тогда, – как он вёл себя, как говорил, – и я понял: нет, не все мы безумцы. может, мы и не образцы идеала и нормы, но вот лев – стал безумцем. а мы? мы просто люди. со своими пороками и ошибками. леву была нужна помощь. и я вспомнил про “сад”. вроде бы парадокс. почему “сад”, почему не классическая психушка – для настоящего психа? потому что: одно дело, что понял я. другое – что, на мой вкус, несмотря ни на что, как мне казалось, в области психиатрии “сад”, со всеми своими ошибками, всё равно впереди всех. просто душа намного сложнее, ещё сложнее, чем думали во второй половине прошлого века, и сложнее, чем думали мы, пытаюсь понять и применить те идеи в начале века грядущего. я выбрал для брата “сад”. и тогда я оказался тут во второй раз. когда привёз его сюда. четыре года назад. а теперь я тут вновь. в третий раз.

5.
*нна

инна, уедем! прочь уедем отсюда! горело во льве.

он тался, пыл.

он лез по нелюдимой заросли на стене. на третий этаж.
выбил окно втихоте. влез.

инна, инна, уедем отсюда, довольно!

она повернула к нему усталость.

*любимый мой любимый мой
птенец мороза
я так открыта небу дней
я вся из воздуха*

пела *нна.

мы слишком тут задержались, любимая! нежнил
лев.

*пора, пора не знаю куда; но тут нам конец, они
не отпустят нас, они хотят приковать тебя к
постели, они хотят лишить тебя имени, они
лишают меня памяти. любимая, надо ехать!*

лев потянул инну за руку, та удлинилась. ещё. удлини-
лась ещё.

тогда лев взял инну за всё. и взвалил на себя. выбил
дверь и шагнул в лестницу. вниз.

ключи, где ключи от машины? инна?!

инна держалась львом. пела.

*свобода это больно
здоровье это рабство
во мне извили гн*зда
изжили мои царства*

они спустились на первый этаж.

прокрались к выходу.

лев открыл входную дверь, и они окунулись.

едет марат. говорила сестра гретта, упрятанная в халат, но всхохленная и тревогая.

марат! он негодяй! он зло! он враг! гневалась марта и ходила из стороны яна на влада обратно.

зачем он нам?!

зачем он нам?!

это не мы!

это яков яковлевич. сказала гретта. *он согласился взять его назад.*

а что с ним? зачем ему назад?

или к нам. или в тюрьму.

вот урод! захлёбывалась марта. *это ложная пара. мы не пара тюрьме. мы свобода. а он тюрьма! марат – это тюрьма!* сочилась марта.

долой тюрьмы! влад стал.

стал и стоял, и стоил своего стояния стальной. он замер за мир, он застыл в тылу. влад помнил всё, что они говорили. убить не убить. зло и не зло. влад и не влад. вазон и протон. голос и воск. мумия и жир. орган и пол. розовый туман. трупы и символы. души и стужа. род и

семя. власть и тело. власть и безвластие. лестница и поле. деньги и дар. война и мир. смерти и воскресенье. коленки и чашечки. русь и дао. космос и слёзы. промах и грёза. он и она. он и не он. она и не она. окно и день. инна и жанна. марта и гретта. пациент и врач. дочь и комета. покой. *нна.

мы убьем его, как только он появится. спокойно сказал ян.

никого нельзя убивать! крикнула марта. *мы поможем ему. мы спасём его!*

все уже спасены. скомкал влад в заворонок.

никто не услышал.

марата ввезли на территорию клиники.
сжатого. скованного.
в цепях. и поручах.
с кляпом и битого.
покаренного и клятого.
совсем не по нраву.
его вывели из военного автомобиля. стали по обе сторо-
ны двое солдат.
напротив них стояли доктор яков и сестра гретта.

получайте. сказал один из военных и, встав сзади
марата, пнул того так, что тот упал на колени, на шаг
став ближе к якову.

марат смотрел в глаза якову. горели глаза марата.
а глаза якова летели.
улетали. и смотрели весну.
гретта взяла бумаги.
военные пнули марата. напоследок.

предатель, легко отделался. говорили они.

сели в машину. уехали. с богом.
или без бога?

где был бог, пока мы жили?

гретта сняла с марата оковы.

только наручники оставила.
пока что.
он встал. смотрел в глаза ей и якову.
чуть дальше. в саду. из-за вазонов и листьев смотрели на
него. ян, влад и марта.

пойдём. сказал яков.

он был в ясном уме. очень.
шли. шли. шли.
из своего окна, лисая, смотрела на марата агата. смотре-
ла как мина.

в мой кабинет. всё яснее становился яков. *в мой ка-
бинет!*

процессия тел и взглядов сузилась к точке.
к двери в центральное здание клиники.
дверь распахнулась.
выбежал лев.
он нёс в руках *нну. та еле дышала.
закатывалась. и радовалась свету.
лев увидел взгляды и отшатнулся. качнулся. пруснул.
вспрыгнул в сторону и побежал.
не теряя *нны.

*лев! стойте! верните *нну!* крикнула гретта вслед.
впустую.
и, как из ничто, выскочили из двери. волька и ватка. не-
женки. молодцы.

и где вы были, милые? спросила гретта у них.

сосали. сосали мы, гретта. сосали. ответили мальчики.

сосали соленья. все эти годы.

верните их! велела сестра гретта. *верните хотя бы жанну! она невинна! соленья оставьте себе.*

доктор яков и марат остались вдвоём в кабинете якова.
гретта тряслась. всё ломалось. но ничего не случилось.
под стать.

она вышла в сад.

ян, влад и марта вздыхали и плевали друг другу в рот.
по кругу.

у ворот появилась фигура.

лев?! подумала гретта.

*нет, это не лев. подумала гретта. но страшно
похож.*

фигура подошла ближе.

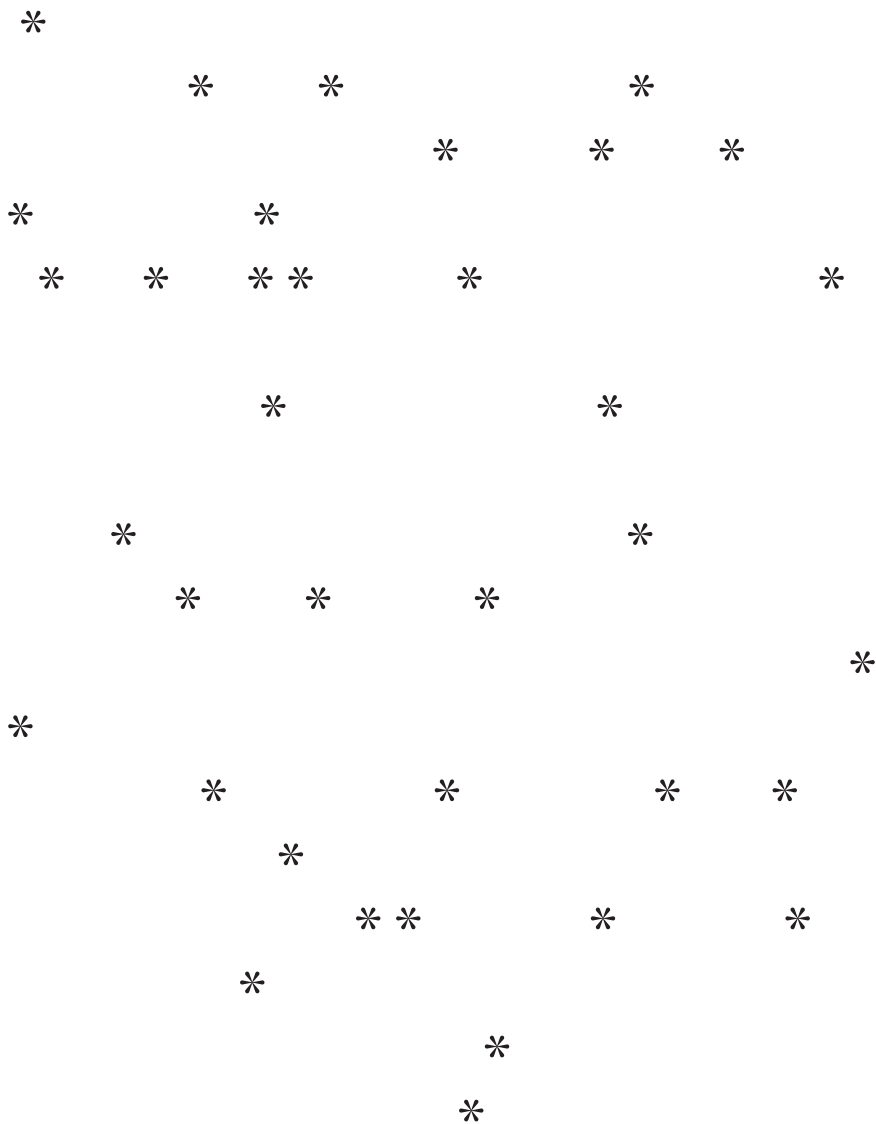
*евгений, брат льва. это вы мне звонили? вы
гретта? я приехал увидеться со львом – где он?
спросил я у гретты, когда подошёл к ней.*

я узнал её.

лев бежал лесом.
кался. трущал за корнями. дышал.
он пыхался строймя. упал.
он нёс *нну в руках очень дальне.
устал и не выдержал бедный.
герой.
он упал – и она.
вместе с ним.
она тоже устала. хоть и неслась.
они лежали в траве и во мху. в гладиольне корней.
и схватился вечерний туман.
и они растворялись в его облаках.
запах земли. тёплой корки на сфере.
небо пело последними птицами этого месяца.
луч был сквозя.
эти чёрные ветки.
лев смотрел всё в глаза.
смотрел в глаза *нне.
и было тепло его умме.
и плавился ум на века.
обтекая любовью и негой.
несчастную глупость.
лев смотрел на неё.
*нна лежала. смотрела дрожая губами.
и белые радужки глаз у неё. пробивали его сострадани-
ем. малый.

*кто ты, родная моя? кто же ты, *нна?! спраши-
вал лев. что с тобой стало?! и где же ты?!*

марат, рад видеть – хоть и прискорбный повод – зачем ты вернулся? спрашивал яков. ты правда убил сослуживицу?

правда, я – это правда. ответил марат.

и что ты за правда?

я правда о том, что вы – это зло! сказал марат.

мы?

вы! весь ваш род, ваша мысль, ваши идеи и ваши дела. и чтобы сказать вам это в лицо, я убил свою. я убил её, уронив жертвой, чтобы вы видели, какое вы зло, доктор яков. и всё ваше дело.

расскажи мне подробнее, марат, я не совсем понимаю тебя. вежливо попросил доктор.

агата. впервые, быть может, за множество лет, вышла из башни. из комнаты, где доживала свои тусклые дни. она подошла к дверям кабинета и бросилась слушать. ухом припала. слушала их разговор.

я был там, где истина льётся кровью из ран, я был на войне, настоящей войне, где я защищал, вас в числе, от проклятых ублюдков, которые

мыслят одно! нет, они только клопы, они и не мыслят! они лишь одно могут хотеть. истребить нас. истребить всех людей, у кого есть душа. потому что завидуют нам, так как души свои, если они у них были, они за копейки отдали во имя того, чтобы купаться в пороке. но они стали гнить, так как гниёт человек без души, но душу и не вернуть. и они захотели убить души всех, у кого они ещё не пропали, чтобы мы сгнили все вместе. всем человечеством разом. а вы! вы, доктор яков. может, и не они, но вас заразили. в вашем уме они поселили то знание, что ведёт к распаду души. это знание – философия и психоанализ! это знание вы вознесли, и им стали калечить людей. в том числе и меня. но я не поддался. я спасся любовью! я смог сквозь порок, который вы мне пытались всучить, я смог полюбить – и поэтому спасся. но это – случайность, это моё. но, в общем и целом, вы – зло. вы хуже врага, вы – внутренний враг. тля. паразит. клоп и говно, что сокрылось в тылу. я был на войне, настоящей войне. но я понял, что она не закончится, пока не исчезнут такие, как вы: те, кто воюет против своих же, с самого тыла. и потому я убил свою! я убил диану. великую диану. она согласилась. она принесла себя в жертву, чтобы меня отпустили оттуда. потому что с войны и во время войны: либо в могилу, либо в тюрьму, либо в дурдом. вы дурдом! доктор яков. и я к вам. они не знали, что войну можно выиграть, только уничтожив вас. и они не пустили бы меня так. но они правы. они же не знали. но

я всех спасу. я уже спас диану. спасу я и вас. и всех остальных. вас нужно убить. и ваших последышей. вытравить их, как мерзкую пыль. и агату. агату я жажду спасти. ведь именно к ней я возжёгся любовью. и именно ею я был исцелён. и стою перед вами такой. какой есть!

агата слышала это. слышала всё.

и я. и я ненавижу тебя, марат. прошептала она. и тебя, яков, я тоже тебя ненавижу. всем сердцем. вот бы вы сдохли. оба. прошептала агата и обмякла.

упала у двери.
как будто уснула.

вам нужен лев? притупленно спросила меня сестра гретта.

да, я евгений, его брат, вы мне звонили, и я предупреждал, что приеду, я хочу видеть брата.

его нет. ответила гретта.

где он?

не знаю.

в лесах! в лесах! закричала марта. *он схватил жанну и убежал в леса!* марта стала смеяться и рвать на себе одежду. *он никогда не любил меня! он не смог полюбить меня! он упёрся в эту проклятую жанну, но она! она даже не может ходить! говорить!*

марта сняла с себя большую часть одежды и бросилась к яну.

ян отшатнулся в сторону.

в какую сторону он ушёл? спросил я.

туда! показал влад в две противоположные стороны двумя руками. застыл.

сестра гретта, куда убежал мой брат? я пойду искать его.

идите за мной, он скоро вернётся сам, или его приведут санитары, они уже вышли за ним. пойдёмте пока к доктору якову; предлагаю нам вместе всё обсудить. вашего брата, пока его нет. очень уверенно сказала гретта.

она была очень уверена. я растерялся.

оглядывался.

смотрел в разные стороны.

вслушивался в окружающий лес.

пошёл за греттой.

она – это власть.

влад продолжал стоять, и обе его поднятые руки не опустились ни на градус.

марта плакала, сидя возле ног яна.

ян ничего не делал. он даже не смотрел на неё.

мы вместе с греттой подошли к кабинету доктора якова. возле двери лежала агата. она как будто спала. гретта немного в суете подбежала к ней. обняла, попыталась поднять, прощупала пульс.

она очень слаба, евгений, помогите мне положить её на диван. повелела мне гретта.

я подчинился.

мы вместе подняли агату и положили на диван возле двери кабинета.

казалось, агата мертва, но это не так.

гретта постучала в дверь.

подождите тут. бросила мне.

не дожидаясь ответа, открыла дверь и пропала за ней.
я остался стоять.
смотрел на агату.

зайдя в кабинет, сестра гретта увидела последнюю искру жизни в глазах доктора якова.
марат стоял за его спиной и душил наручниками.
доктор яков не сопротивлялся.
он этого желал.
так показалось гретте.
марат посмотрел на неё.
он тоже много чего желал – это было по нему видно.
но что сестре гретте до этого?
она желала одного.
власти!
она всегда желала власти!
и теперь, вместе с концом доктора якова, “сад” переходит в новую эру.
это будет эра гретты.
сестра гретта станет главой клиники.
так она грезила.
гретта приподняла подол юбки и извлекла небольшой пистолет.
она долго не думала, не пускалась в слова.
она просто направила пистолет на марата и выстрелила ему в голову.

вы – зло!

последнее, что успел он сказать.
перед смертью.

я услышал выстрел и испугался. я трусливый человек. и вовсе не герой. я не стал забегать в кабинет. смотреть, что же там. или ждать, пока оттуда выйдут. я бросил взгляд на агату, мельком. вроде жива. и побежал вниз по лестнице. оказался на улице. влад был в замирье. марта плакала. и только ян, кажется, был встревожен звуком стрельбы.
я подошёл к нему.

*где *нна, ты видел?*

туда. ян нерешительно указал в сторону. хотя бы в одну.

я быстрым шагом туда и пошёл.
в лес.

в лесу было уже темно. холодило. капало. я трясся и пугался. смотрелся за деревьями и рыскал. хотел зацепиться за что-то. кричал.

*лев! *нна!*

до какого-то раза. тихоня.
кричал!

*лев! *нна!*

и пусто опять. ничего.
норы да слизь от улиток тумана.
я крикнул!

*лев! *нна!*

и тут.
с двух сторон. на меня навалились.
могучие.
волька и ватка.

вот он! попался! кричали они! наконец-то! попался! а где жанна! отвечай! куда ты её дел?!

*я не знаю! кто такая жанна?! я сам ищу брата?! льва?! я не он, я евгений! брат льва! я ищу льва и *нну! они где-то здесь. в лесу! а кто вы?!*

волька и ватка цепко схватили меня и потащили прочь.
и говорили. кричали!

лев! не дури! отвечай, где жанна!?

я плакал...

*не знаю! не знаю!
я не знаю, где *нна!
я потерял её!
я потерял себя!
я не знаю, кто я!
кто я?!
кто такая *нна?!
где мы?!
помогите!
помогите мне!
прошу вас!
я не знаю!
не знаю!*

волька и ватка волокли льва прочь. из леса. он был в истерике. бился. пытался царапать себя.

*нна лежала во мху.
на ней лежали листья и ветки.
скрывая слегка.
был тёплый лес.
и пахло сыро.
*нна не кричала и не двигалась.
как и всегда.
*нна лежала в ночи.
в тёплом сыром лесу.
и звери, и птицы, и насекомые жили вокруг.
*нна любила лес.
и лес любил *нну.
и больше никто.
не тревожил её.
никогда.

*нна пела:

кругом полно любви
мы в сказке и во сне
и явь она прекрасна

и нет на свете зла
и нет небытия
я облако печали и улыбок

безумье и любовь
анархия свята
я нежность и проклятье мира

я смерть и я любовь
и добрая война
во мне так много много это

сплошная благодать
любимых добрый взгляд
и боли пируэты

так нежен этот мир
и так прекрасна тьма
мы обреченные всегда на счастье

так зыбок этот свет
и я совсем ничья
и я в мечте ничья

ничья в мечте безвластия

ПОСЛЕСЛОВИЕ

мария
рахманинова

სად ხარ¹?

1. სად ხარ? [сад хар?] –
по-грузински:
«где ты?»

«Если классифицировать виды потерь, о которых говорится в поэме [Дж. Мильтона «Потерянный рай»], многие из них будут связаны с изгнанием: с горем от того, что потерял родину или обиталище, когда-то бывшее великолепным; от понимания, что то, что ты считал своим, тебе не принадлежит, и то, что ты любил, совершенно, безвозвратно разрушено. Особенно это проявляется в том невыносимом отчаянии, которое испытывает Ева, когда понимает, что ее наказанием будет не просто смерть; ей придется оставить свой дом и больше нельзя будет ухаживать за розами, которым она дала имя, которые поливала. Ее потрясающее сотрудничество с садом прекращено».

Оливия Лэнг. «Сад против времени»

«Сад» – вывихнутое минус-пространство сомнамбулического зрения, по-эшеровски преломлящего и хронотоп, и всё, что в нём содержится. Линейность

событий рассеивается в нём зачарованностью от вызванных ими состояний. Сцены сначала возникают как вспышки – среди лихорадочного головокружения, из ниоткуда, соединяясь ассоциативно, ритмически, *беспмятно* – минуя и причинно-следственные связи, и саму нормативную нарративность языка – а затем никуда не ведут.

Колеблясь между интенсивностями классической литературы, революционного манифеста, бюрократических клише, библейской патетики и языческих заклинаний, повествование никогда не захватывается окончательно ни одной из них – всякий раз ускользая, как эпизод забываемого сна. Вывернутый наизнанку синтаксис «Сада» контринтуитивен и непрозрачен: пожалуй, ровно настолько, чтобы неологизмам, (пост)кручёныховской зауми, семантическим инверсиям, фрагментированным фонемам и другим его диковинным «растениям» было где взойти и набраться трансгрессивной плотности. Всё это определяет и сам образ Сада – его парадоксальное «тело», собирающееся в (дисперсное) целое из «граней парка», «щелей между деревьями», «пропастей» и прочих «негативных форм» всевозможных «*между*» – агентных, отчётливо изменяющих состояние сознания персонажей и тем самым размывающих границы между внешним и внутренним.

Путаясь в повторях, самозабвении, полуобморочных вспышках бокового зрения, [чужих] политических мечтаниях, осколках официальных дискурсов, приступах памятования (и собственного телесного, и безлично-исторического), их мысль петляет обрывами, переходами и невнятными «насыпиями» – размечая фрустрации и когнитивные блэкауты. Следы её движения

образуют отчётливый контур внутреннего смятения. Исток его тонет в щемящей темноте неумолимо нарастающего прошлого, но вполне отчётливо ощущается как воспалённая рана: утраты, изгнания, турбулентности политической истории, исторического проклятия.

Предметность Сада, сам порядок его телесности – тоже собственный: земля в нём *«обнимает»*, облака становятся *«статуями»*, движения героев, срываясь в потоки времени, застывают на миг скульптурными группами – где-то в темпоральных палимпсестах *«заброшенной усадьбы»* (где всюду *«норы и слизь улиток тумана»*) – а затем рассыпаются прахом: *«от *нны почти ничего не осталось. она была песком. крошкой. сором в туфлях. только сор. и почти ничего»* – ни достоверности, ни лиц, ни даже заглавных букв в скелетах предложений.

Решившемуся на прогулку по «Саду» следует быть готовым: до самого конца ему так и не удастся наверняка узнать, где именно этот Сад располагался – поблизости ли от линчевского Чёрного вигвама – с его искривлённой темпоральностью и смещённым внутрь самого себя языком; через ограду ли от сада «города золотого» – с его библейскими животными; неподалёку ли от джарменовского сада – с его поэтико-материалистическими ревизиями телесности; по соседству ли с угасающими мирами Вишнёвого сада; в созвучии ли с борхесовским садом расходящихся тропинок; или и вовсе на обратной стороне утраченного Сада садов – внутри его проклятых изнанок (где изгнание, вероятно, наконец завершается). Быть может, Сад – как некий постскрипtum – вообще затерян где-то на немыслимом пересечении всех остальных садов?

С определённой о нём можно сказать лишь одно: в его пространстве всё несёт на себе смутные отсветы войны (не исключено, что именно они и формируют его зыбкие очертания и образуемый ими порядок материальности). Поэтому если, отправляясь в «Сад», и надеяться в нём что-то обрести, то лишь через это [иносказательное] грёзовидческое свидетельство.

асебия

<https://asebeia.su>

*Бумвинильный табор «Асебия» выражает горько-соленую
благодарность Майкопу — городу, в котором улица Свободы
начинается с тюрьмы, проходит через церковь
и заканчивается кладбищем.*

Вёрстка

Александра Пушная

Обложка

Александра Полякова, Александра Пушная

Редактор

Роберт Ялунин

Отпечатано в типографии «Сад».

385002, Республика Адыгея,

г. Майкоп, ул. Свободы, ∞

Тираж 400 экз.